

SOCIOLOGY OF CITY

2015 no 1

Scientific-and-theoretical journal

4 issues per year

Year of foundation — 2007
1st issue was published in 2008

Russian Federation, Volgograd

Founders:
Volgograd State University
of Architecture and Civil Engineering
(VSUACE)

The journal is included in Russian Science
Citation Index (RSCI)
(<http://www.elibrary.ru>).

Ulrich's Periodicals Directory
(<http://serialsolutions.com>),

DOAJ (<http://www.doaj.org>),

EBSCO (<http://www.ebsco.com>)

Министерство образования и науки
Российской Федерации

Волгоградский государственный
архитектурно-строительный
университет

СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА

Sotsiologiya Goroda

2015 № 1

Научно-теоретический журнал

Выходит 4 раза в год

Учрежден в 2007 г.
1-й номер вышел в 2008 г.

г. Волгоград

Учредитель:
федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего
профессионального образования
«Волгоградский государственный
архитектурно-строительный
университет»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-27329 от 28 февраля 2007 г. выдано Федеральной службой
по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране
культурного наследия

Журнал входит в утвержденный ВАК Минобрнауки России Перечень
ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные
результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора
и кандидата наук

Журнал включен в базы данных:
Российского индекса научного
цитирования (РИНЦ), <http://www.elibrary.ru>,
Ulrich's Periodicals Directory, <http://www.serialsolutions.com>,
Directory of Open Access Journals (DOAJ), <http://www.doaj.org>
EBSCO, <http://www.ebsco.com>

Редакционный совет:

председатель — д-р техн. наук, проф.
С.Ю. Калашников
(ВолГАСУ, Волгоград)

зам. председателя — канд. техн. наук, доц.
В.И. Воробьев
(ВолГАСУ, Волгоград)

д-р техн. наук, проф. **А.Н. Богомолов**
(ВолГАСУ, Волгоград)

канд.archit., проф. **А.В. Антюфеев**
(ВолГАСУ, Волгоград)

д-р экон. наук, проф. **О.В. Максимчук**
(ВолГАСУ, Волгоград)

д-р техн. наук, проф. **Л.В. Примак**
(РАНХиГС, Москва)

д-р техн. наук, проф. **В.М. Шумячер**
(ВИСТех, г. Волжский)

**Главный редактор
журнала:**

д-р филос. наук, проф.
Б.А. Навроцкий (ВолГАСУ, Волгоград)

Редакционная коллегия:

д-р филос. наук,
проф. **В.И. Добренников** (МГУ, Москва)

д-р техн. наук, проф. **В.Н. Азаров**
(ВолГАСУ, Волгоград)

д-р социол. наук, проф. **В.В. Деларю**
(ВолГМУ, Волгоград)

д-р социол. наук **Г.Н. Ильина**
(МГИМО, Москва)

д-р экон. наук **Г. А. Медиева**
(Национальная инженерная академия
Республики Казахстан, Алматы)

д-р archit., проф. **Г.А. Птичникова**
(Волгоградское представительство
НИИТИАГ РААСН)

д-р экон. наук, проф. **В.Н. Казаков**
(МГУ, Москва)

д-р филос. наук, д-р юрид. наук,
проф. **Н.Н. Седова** (ВолГМУ, Волгоград)

доктор философии, председатель фонда
им. Гензельманна (Берлин, Германия)
Т. Флирль

д-р искусствознания **Ояр Спаритис**
(Латвийская академия наук)

нач. РИО **М.Л. Песчаная**
(ВолГАСУ, Волгоград)

Адрес редакции:
400074, Волгоград, ул. Академическая, 1
Тел. (8442)96-99-25, (8442)96-98-28

© Федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального
образования «Волгоградский
государственный архитектурно-
строительный университет», 2015

Editorial council:

Chairman — Doctor of Engineering Science, Professor
S.Yu. Kalashnikov (VSUACE, Volgograd)

Deputy Chairman —
Candidate of Engineering Science, Docent **V.I. Vorob'ev**
(VSUACE, Volgograd)

Doctor of Engineering Science, Professor **A.N. Bogomolov**
(VSUACE, Volgograd)

Candidate of Architecture, Professor **A.V. Antyufeev**
(VSUACE, Volgograd)

Doctor of Economics, Professor **O.V. Maksimchuk**
(VSUACE, Volgograd)

Doctor of Engineering Science, Professor **L.V. Primak**
(The Russian Presidential Academy of National Economy and Public
Administration, Moscow)

Doctor of Engineering Science, Professor **V.M. Shumyacher**
(Volzhskii Institute of Civil Engineering and Technology, Volzhskii)

Chief Editor:

Doctor of Philosophy, Professor
B.A. Navrotskii (VSUACE, Volgograd)

Editorial team:

Doctor of Philosophy, Professor
V.I. Dobren'kov (Moscow State University, Moscow)

Doctor of Engineering Science, Professor
V.N. Azarov (VSUACE, Volgograd)

Doctor of Social Sciences, Professor **V.V. Delaryu**
(Volgograd State Medical University, Volgograd)

Doctor of Social Sciences **G.N. Il'ina** (Moscow State Institute
of International Relations, Moscow)

Doctor of Economics **G.A. Medieva**
(National Engineering Academy of the Republic of Kazakhstan,
Kazakhstan, Almaty)

Doctor of Architecture, Professor **G.A. Ptichnikova**
(Volgograd branch of The Research Institute of the Theory
and History of Architecture and Town Planning
of the Russian Academy of Architecture
and Construction Sciences)

Doctor of Economics, Professor **V.N. Kazakov**
(Moscow State University, Moscow)

Doctor of Philosophy, Doctor of Law, Professor **N.N. Sedova**
(Volgograd State Medical University, Volgograd)

Historian of Architecture, Specialist in Culture, Doctor **T. Flierl**
(Institute of History and Theory of Architecture and Planning)
University Bauhaus, Germany)

Doctor habil. Art. **Ojars Sparitis** (Latvian Academy of Sciences)

Head of Editorial and Publication Department
M.L. Peschanaya
(VSUACE, Volgograd)

Address:

Volgograd State University of Architecture and Civil Engineering (VSUACE).
1, Akademicheskaya St., Volgograd, 400074, Russian Federation,
info@vgasu.ru, www.vgasu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

АРХИТЕКТУРНОЕ
ПРОСТРАНСТВО
КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ
ФЕНОМЕН

Птичникова Г. А., Антофеев А. В. Дихотомия «глобальное – локальное» и ее роль в структурировании архитектурного пространства современного города ... 5

ЧЕЛОВЕК В СОВРЕМЕННОМ
ГОРОДЕ

Галенко М. В., Дементьев С. М., Карчагин Е. В., Черникова Ю. А. Культура использования сети Интернет в студенческой среде ... 20

Невинский А. Б., Крамарь Л. В., Кантемирова Г. А. Оценка динамики роста респираторных заболеваний у детей на фоне неблагоприятной экологической обстановки в г. Волгограде ... 31

Аванесян Р. А. Горожане как потребители услуг дентальной имплантологии ... 37

Ковалевский Р. Л., Демушина О. Н. О коммуникативном пространстве Волгограда ... 46

УПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫМИ
И ЭКОНОМИЧЕСКИМИ
СИСТЕМАМИ

Орлова В. В., Луц Ю. А. Потенциал молодежи как фактор развития современного города (на примере г. Томска) ... 56

Кожевников А. А. Система жизнеобеспечения коренного населения Сибири в условиях урбанизации ... 66

АВТОРАМ

Условия приема статей в редакцию и требования к авторским оригиналам ... 72

CONTENT

ARCHITECTURAL SPACE
AS A SOCIO-CULTURAL
PHENOMENON

Ptichnikova G. A., Antyufeev A. V. «Global-local» dichotomy
and its role in the structuring of architectural space
of a modern city ... 5

HUMAN IN CONTEMPORARY
CITY

*Galenko M. V., Dement'ev S. M.,
Karchagin E. V., Chemikova Yu. A.*
The culture of the Internet use by students ... 20

Nevinskii A. B., Kramar' L. V., Kantemirova G. A.
The estimation of the increase of respiratory disease cases
among children against the unfavourable environmental
situation in Volgograd ... 31

Avanesyan R. A. Citizens as consumers of dental
implantology ... 37

Kovalevskii R. L., Demushina O. N. About communicative
space of Volgograd ... 46

MANAGEMENT OF SOCIAL
AND ECONOMIC SYSTEMS

Orlova V. V., Luts Yu. A. Potential of the youth as development
factor of a modern city (by the example of Tomsk city) ... 56

Kozhevnikov A. A. Life support system of the indigenous
population of Siberia under the conditions of urbanization ... 66

INFORMATION FOR AUTHORS

*Admission articles to the editors and the requirements
for copyright originals ... 72*

Вниманию авторов и читателей!
Подписку на журнал можно оформить в
отделениях Почты России
по каталогу «Пресса России», подписной индекс
29507, и электронному каталогу агентства
«Книга-Сервис» (www.akc.ru),
подписной индекс **E 29507**.
По вопросам приобретения выпусков журнала
2008–2015 гг.
обращаться в редакцию по тел. (8442) 96-99-25

Домашняя страничка журнала ISSN 2077-9402
(Online)
на сайте ВолгАСУ www.vgasu.ru
(<http://www.vgasu.ru/science/journals/city-sociology>)

УДК 72.012:339

*Г. А. Птичникова,
А. В. Антофеев*

**ДИХОТОМИЯ «ГЛОБАЛЬНОЕ —
ЛОКАЛЬНОЕ» И ЕЕ РОЛЬ
В СТРУКТУРИРОВАНИИ
АРХИТЕКТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА
СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА**

Статья посвящена изучению архитектурного пространства современного города, испытывающего радикальные трансформации, вызванные процессами глобализации. Глобализация имеет противоречивый характер: способствуя коммуникации и взаимодействию различных национальных культур и пытаясь унифицировать их на базе определенной социокультурной парадигмы, вместе с тем она усиливает ожесточенную конкуренцию. Уже сегодня можно разглядеть ряд достаточно отчетливых перемен в архитектуре, которые связаны с названными противоречиями. Изучение этих процессов предполагает внимание к характерным чертам современного процесса глобализации в сравнении с другими подобными крупномасштабными явлениями в истории архитектуры.

Авторы дают определение характеристик пространственной структуры и архитектурного облика «глобальных городов», а также выделяют типы застройки, особо чувствительные к глобализационным процессам. Определены закономерности формообразования объектов, которые можно охарактеризовать как «объекты глобальной архитектуры».

Основные результаты работы:

- определена эволюционная природа глобализационных процессов в архитектуре, выявлены циклические «волны» архитектурной глобализации, сопровождавшие военную, экономическую, религиозную или идеологическую экспансию;

- выявлены основные характеристики современного процесса глобализации;

- определены предпосылки формирования «глобальных городов» — городов нового типа, являющихся результатом урбанистической трансформации под действием расширения связей и обмена во всемирном масштабе;

- определен круг проблем в развитии архитектуры, вызванных глобализацией, в том числе сохранение местных региональных архитектурно-градостроительных традиций как ми-

Основой концепции «глобализации» является дихотомия «глобальное — локальное», которая характеризует пространственные характеристики современного социального взаимодействия [1]. Во многом эти пространственные характеристики создаются через архитектурное пространство города, которое является своеобразным «зеркалом», отражающим приоритетные ценности, историю, национальную культуру, а также политику властей на том или ином этапе развития социума; иными словами — объективным отражением того, что важно в социальном, экономическом и политическом плане. Поэтому изучение процессов реализации тенденций глобализации и регионализма, которые разделяют архитектурное пространство современных городов на два слоя, не только является актуальной задачей для архитектуроведения, но также имеет большое значение для смежных дисциплин, к которым относится и социология города.

Каким образом архитектура, которая во многом формирует пространственный базис общества, его социокультурное пространство, отзывается на вызовы глобализации? Какие причины формируют предпочтения глобального или локального пути? Имеются ли прецеденты такого противостояния в истории или это является особенностью современного момента развития архитектуры? Эти вопросы формируют содержание настоящей статьи.

Начнем, как водится, с истории. Анализ показывает, что архитектуре на протяжении всего процесса ее исторического развития имманентно были присущи глобальные тенденции. Обзор истории архитектуры, начиная с древности, говорит о том, что время от времени в различные циклы возникали всплески общественного и экономического взаимодействия [2], экспансии отдельных культур и архитектурных направлений. Волны архитектурной глобализации сопровождали, как правило, военную, экономическую, религиозную или идеологическую экспансию. В результате создавались довольно обширные регионы господства какого-либо доминирующего архитектурного стиля над местными, остающимися локальными направлениями.

Попытаемся выделить циклы исторической «архитектурной глобализации» и проанализиро-

рового культурного ресурса, плюрализм в формообразовании и универсализация восприятия архитектурных форм, размывание архитектурно-смысловой идентификации мест.

Ключевые слова:

архитектурное пространство, глобализация, регионализм, формообразование, параметризм.

*G. A. Ptichnikova,
A. V. Antyufeev*

**«GLOBAL-LOCAL» DICHOTOMY
AND ITS ROLE
IN THE STRUCTURING
OF ARCHITECTURAL SPACE
OF A MODERN CITY**

The paper studies the architectural space of a modern city experiencing a radical transformation in the context of globalization. Globalization is controversial: facilitating communication and interaction of different national cultures and trying to unify them on the basis of certain socio-cultural paradigm, however, it increases the fierce competition. Even today you can see the number of fairly distinct change in architecture that are associated with the above contradictions. The study of these processes pays attention to the features of modern globalization process in comparison with other similar large-scale events in the history of architecture.

The authors give a characterization of the spatial structure and architectural look of "global cities", and also highlight the types of buildings, particularly sensitive to the globalization processes. The regularities of formation of objects that can be described as "objects of global architecture" are defined.

The main results of this study are the following:

- the evolutionary nature of globalization processes in architecture is determined, cyclic "waves" of architectural globalization accompanying military, economic, religious or ideological expansion are revealed;
- the main peculiarities of modern globalization process are identified;
- prerequisites for the formation of "global cities" – cities of a new type resulting from urban transformation under the influence of expansion of ties and exchanges worldwide are defined;

вать причины ее возникновения. Некоторые черты глобализации можно проследить уже в эпоху античности. Первым общемировым направлением в архитектуре стал эллинизм — распространение греческого влияния благодаря военным походам Александра Македонского. Произошло доминирование греческой ордерной системы во всех завоеванных странах. Сначала греческая культура распространилась на Восток благодаря походам Александра Македонского, создав огромный регион эллинистического мира, а затем, будучи завоеванной Римом, она распространила свою культуру и на Рим, образовав регион средиземноморской культуры, то есть глобальную культуру всего Западного мира (куда входил и Ближний Восток).

Римская империя показала еще один пример архитектурной глобализации и распространения ордерной системы, которая стала главной имперской архитектурной темой в римских провинциях. Если греки распространили свою художественную культуру на Рим и всю Римскую империю, то римляне, будучи народом, обладающим твердыми принципами морального, правового, политического сознания, а также заботящимся о комфортности существования, сумели привить эти принципы подчиненным им народам и создать единообразную государственно-правовую организацию во всей империи. Иными словами, распространили свою культуру по всему западному миру, соединив восточные провинции с центром и западными окраинами разветвленной сетью дорог, типовой организацией городов по типу военного лагеря, ордерной архитектурой, акведуками и мостами. Можно сказать, что уже тогда произошла «вестернизация» всего цивилизованного мира, располагающегося по эту сторону границы с Востоком. Сегодня последствия «архитектурной глобализации» этого периода можно видеть от Турции до Испании, от Туниса до Англии и Франции.

Следующая волна связана с византийской культурой и ее распространением вследствие распространения христианства как конфессионального учения. В целом, если рассматривать как причину глобализации распространение конфессиональных учений, следует выделить мирное распространение конфессиональных

- the range of problems in the architectural development caused by globalization, including the maintenance of local regional architectural town planning traditions as world cultural resource, pluralism in shaping and universalization in perceptions of architectural forms, blurring of architectural and semantic identification of places are defined.

Key words:

architectural space,
globalization,
regionalism,
shaping,
parametricism.

Об авторах:

Птичникова Галина Александровна – доктор архитектуры, профессор, директор Волгоградского филиала Научно-исследовательского института теории и истории архитектуры и градостроительства Российской академии архитектуры и строительных наук (НИИТИАГ РААСН).
Российская Федерация, 400131, Волгоград, пр. Ленина, 2б, vp_niitag@mail.ru

Ptichnikova Galina Aleksandrovna – Doctor of Architecture, Professor, Director of The Volgograd branch of The Research Institute of the Theory and History of Architecture and Town Planning of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences (NIITIAG RAASN).
2b, Lenina Pr., 400131, Volgograd, Russian Federation, vp_niitag@mail.ru

Антюфеев Алексей Владимирович – кандидат архитектуры, профессор, зав. кафедрой градостроительства, Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет (ВолГАСУ).
Российская Федерация, 400074, Волгоград, ул. Академическая, 1, antyufeev_a@mail.ru

Antyufeev Aleksei Vladimirovich – Candidate of Architecture, Professor, Head of the Urban Development Department, Volgograd State University of Architecture and Civil Engineering (VSUACE).
1, Akademicheskaya St., 400074, Volgograd, Russian Federation, antyufeev_a@mail.ru

принципов, влекущее за собой создание соответствующих религиозных институтов, мировоззрения и его символического выражения в ритуалах и материальных памятниках (архитектура и изобразительное искусство). В регионах, называемых «страны христианской культуры», сохранилась своя национальная культура. Это показывает, что глобализация никогда не бывает полной, она протекает по определенным каналам, а остальные слои (уровни) культурной иерархии могут развиваться относительно независимо от нее.

Особое место в глобализации путем религиозной экспансии занимает ислам. Он распространился на огромных по площади и численности населения регионах, став третьей мировой религией, частично благодаря арабским завоеваниям (Арабский Халифат), частично благодаря готовности народов, находящихся за его пределами, принять это учение. Тем не менее, если в арабских странах, от Аравии до Иберии, существует единство культуры, во многом структурированной положениями Корана, то дальше на Восток — в Персии, Индии, Индонезии — унификации не произошло. Глобальное здесь мирно сосуществует с локальным.

Глобализация архитектуры Средневековья выразилась в распространении латинской культуры в Западной Европе, включая такие латинские страны, как Польша и Чехия, и византийской культуры в восточно-славянском мире. Общими были принципы формирования церковной и в какой-то мере университетской архитектуры, тогда как другие архитектурные слои оставались национальными.

В светском варианте активная глобализация европейской архитектуры стала происходить после Ренессанса и была связана с распространением единых стилей по всем европейским странам: барокко (которое затронуло даже Московскую Русь), затем классицизм. Начиная с Высокого Возрождения (XVI в.) и вплоть до XIX века, пока в Европе господствовали «глобальные стили», никто ни в одной стране о национальной культуре не заботился и не печалился по поводу проникновения чего-то чуждого. Наоборот, в обра-

зованных слоях общества господствовало убеждение, что есть только одна подлинная, высокая культура — это античная культура, а все остальное — это варварство и дикость. Перемены принес с собой XIX в. — век романтизма и подлинного историзма. Вместе с вниманием к фольклору, национальному самобытному художественному творчеству стал зреть национализм, который проявился как стремление к национальной идентичности, прежде всего в сфере культуры и архитектуры.

В новейшей истории развитие «архитектурной глобализации» началось в XX веке с распространением идей модернизма и экспансией «интернационального стиля», который основывался на рационализме, прогрессизме, функциональной логике и эстетике, отвергающей орнамент и украшательство. Модернизм, конечно, явился феноменом западной культуры, основанным на экономической экспансии, определившей новый мировой порядок. В дальнейшем модернизм ассоциировался с несколькими типами зданий, которые, собственно, и заключали в себе базовые аспекты глобализации: это были офисы корпораций, международные отели, торговые центры, аэропорты.

Высоко оценивая универсальную формообразующую систему и стремительное мировое распространение «интернационального стиля» (модернизма), известный советский и российский историк архитектуры С. О. Хан-Магомедов выделил его как «глобальный стиль», или «суперстиль», наравне с другим, по времени первым, стилем ордерной системы античности. По его мнению, универсальность суперстиля модернизма заключалась в «образно-символическом интернационализме». Он писал: «Рождение глобального интернационального суперстиля — это редчайшее явление в развитии мирового искусства. За последние три тысячи лет развития мировой архитектуры — это всего лишь второй случай. Первый такой суперстиль зародился и сформировался в Древней Греции, — назовем его условно античный классический суперстиль. А второй суперстиль рождался в первой трети XX века на глазах изумленных современников, большая часть которых так и не поняла, свидетелем чего они были» [3].

Относясь с глубоким уважением к научным заслугам С. О. Хан-Магомедова, мы хотим ему возразить. По своей «жизни» (менее 100 лет), модернизм вряд ли может быть отнесен к разряду «суперстилей»; пока не ясна его временная устойчивость, жизнеспособность, чтобы делать подобный вывод. Скорее всего, это было сказано ученым для подчеркивания актуальности сохранения наследия российского архитектурного авангарда, чему был посвящен сборник [3].

В этом контексте стоит упомянуть и о появившемся в 1990-х годах стиле, получившем название «параметризм» [4], который тоже был причислен к глобальным стилям из-за своей «очищенности» от каких-либо символических и семантических «одежд». Он появился во многом благодаря развитию компьютерных технологий. В параметризме массы (здания, кварталы) являются не системой фигур (форм), а растекающейся, словно жидкость, пространственной субстанцией. Британский социолог Зигфрид Бауман применяет к параметризму понятие «текущая современность», фиксируя переход от плотного, структурированного мира к миру текучему, свободному от границ и барьер-

еров [5]. Это новое состояние мира с трудом поддается представлению в уже ставших традиционными терминах «сетевое общество» и «глобализация». Но в современных условиях пространство формируется уже не столько своими границами, сколько коммуникационным возможностями. Компания Захи Хадид (Zaha Hadid Architects) выиграла серию международных конкурсов по разработке генеральных планов, которые воплотили главные особенности этого стиля. Например, генплан бизнес-парка «One-North» в Сингапуре, «Soho City» в Пекине (рис. 1), генплан Бильбао, «Kartal-Pendik» в Стамбуле, включающий разработку центра на азиатской стороне для разгрузки исторического ядра города.

Рис. 1. Пример параметризма. «Сохо Сити» в Пекине. З. Хадид

Таким образом, даже краткий экскурс в историю показывает, что архитектура отличается от многих других жанров искусства огромным «потенциалом глобализма», внутренним стремлением охватить единым стилевым направлением весь мир. Этот потенциал при определенном стечении внешних обстоятельств раскрывался циклически на протяжении всей истории архитектуры.

Каковы же особенности современной архитектурной глобализации? Определим те «драйвера», которые направляют развитие глобализационных процессов в современной архитектуре. Появление разделения «глобальное — локальное» в архитектуре произошло в связи с изменениями в структуризации таких категорий, как пространство и время. Остановимся сначала на трансформациях, происходящих с основной категорией архитектуры, которой является пространство. Во-первых, очевидна его внутренняя переструк-

туризация. Традиционное пространство определяется структурой, которая выражается в отношениях «центра» и «периферии». В настоящее время происходят изменения взаимоотношений между центром как агентом архитектурной модернизации и периферией как потребителем. Процессам глобализации, протекавшим в исторические периоды, как правило, было присуще распространение архитектурных направлений и стилей из центра, обладающего «высокой культурой», к периферии. Иными словами, происходило центростремительное распространение глобализационных волн. Отличием современного процесса стала интеграция культур периферии в культуру центра. Периферические культуры обладают повышенной способностью имитировать центр, а также преобразовать культурные формы центра в собственных интересах. В результате вместо распространения «высокой культуры» в глобализационных потоках разносится массовая культура с соответствующими эстетическими стандартами.

Вторым направлением изменения пространства является его развитие как сетевой структуры. В отличие от традиционной радиально-концентрической структуры пространство в эпоху современной глобализации преобразуется в пространство связей («потоков»), в которое постепенно включаются все новые действующие лица, «сплетая», таким образом, своеобразную сеть. Сетевой принцип пространственной организации становится определяющим в условиях глобализации. В архитектурном аспекте особую сеть составляют, например, многочисленные музеи. В Нью-Йорке в числе музейных объектов следует назвать Метрополитен-музей, Музей современного искусства, Музей Соломона Р. Гуггенхайма, Американский музей естественной истории, Музей индейцев, Музей примитивного искусства, Еврейский музей. Не забудем про сети торговых центров (в российских городах это МЕТРО, ИКЕА, АШАН и другие) и объектов общественного питания, среди которых пальму первенства во всем мире, безусловно, держит «Макдональдс».

В-третьих, происходит утрата привязки социальных процессов к месту или, иными словами, изменение отношений между местом и культурными и социальными практиками. Это новое осмысление пространственной референции понятия «глобализация» предложено американским социологом Арджуном Аппадураи [6, 7]. Для описания этой ситуации было предложено несколько различных терминов: «де-территориализация» («deterritorialization»); «де-локализация» («delocalization») и «смещение» («displacement»). Английский социолог Энтони Гидденс, который занимался анализом изменений в пространственно-временных отношениях, утверждал, что время и пространство утрачивают неразрывную связь с социальной активностью, и именно это является фундаментальной характеристикой современного мира [8].

В архитектурном отношении свойство «де-территориализации» присуще торговым центрам, которые сегодня распространяются во всем мире. Известный датский футуролог Ролф Йенсен сказал, что «всемирные розничные сети уничтожают дух места» [9]. Торговые моллы в Кэнари Уорф Лондонских Доков, торговые центры на Потсдамской площади в Берлине или подземном центре «Охотный ряд» на Манежной площади в Москве во многом больше похожи друг на друга, чем на традиционные английские, немецкие или российские магазины.

Попутно отметим, что вместе с пространством изменяется и социальное время. Концептуальная подоснова традиционного времени универсальна. Время есть последовательность вещей. Павел Флоренский выделял универсальность понятия времени в его троичной структуре, т. е. разделении на прошлое, настоящее и будущее. Иными словами, смысл категории времени — в обозначении внутренней логики реального бытия. Глобализация отказывает в непреложности схеме троичности времени «прошлое — настоящее — будущее». Время перестало восприниматься как объективное, историческое, связанное с реальным бытием, что способствовало значительной свободе передвижения в пределах традиционной временной структуры. Глобализация трансформирует восприятие времени: линейное, необратимое, предсказуемое время дробится на куски в сетевом обществе.

Время ускоряет свой бег, как бы сжимаясь. Американский исследователь пространственно-временных отношений Дэвид Харвей писал, что в настоящее время происходит «процесс пространственно-временной компрессии», подразумевающий сокращение времени и сжатие пространства [10]. В последнее время об этом пишут и российские ученые [11]. Время не только «сжимается», но и дифференцируется, становится более разнообразным, его ритмичное течение исчезает. Время становится не-последовательным, приходит на смену биологическому и хронологическому, возникает «вневременное время» [12].

Эти структурные пространственно-временные изменения в эпоху глобализации не являются чем-то умозрительным. В градостроительном отношении пространство потоков сформировало новый тип городов, которые обслуживают управление этих потоков по всему миру. С позиций архитектуры и градостроительства важно отметить, что именно этим городам присущи тенденции быстрого изменения архитектурного облика под давлением стандартов глобализации. Отличительным признаком этих городов является узнаваемость архитектурного облика, в котором сочетаются универсальные черты мест пересечения глобальных связей и потоков и, одновременно, уникальность, непохожесть на другие города, наличие собственных знаков и символов. Именно поэтому архитектурный облик «глобальных городов» — Нью-Йорка, Лондона, Парижа, Токио, Шанхая или Сингапура — привлекает особое внимание и рождает желание иметь нечто похожее.

Наличие в городе объектов «глобальной архитектуры» является одним из критериев привлечения инвестиций и возможностей развития в нем международного бизнеса. Объекты «глобальной архитектуры» являются своего рода знаками — маяками, отмечающими направление глобальных потоков: капиталов, информации, туризма, креативной деятельности. Все эти объекты объединяет ряд общих черт. В их числе:

- постоянные эксперименты в формообразовании в целях достижения максимальной зрелищности и эмоционального эффекта. Здание превращается в своеобразный элемент визуального шоу, для этого необходима включенная на полную мощность «архитектурная громкость»;
- использование методов архитектурной имитации, что объясняется общими для процессов глобализации принципами «де-территориализации» (отрыва от места) и «де-историзации» (отрыв от исторического времени, преемственности);

- концептуальная агрессивность и пренебрежение местным контекстом, возможность существования как вне контекста, так и в любом контексте;
- сетевой принцип размещения.

Таким образом, трансформации пространства как порядка сосуществования и времени как порядка следования являются существенной характеристикой процесса глобализации общества. Линейное, необратимое время фрагментируется, разделяется, с ним происходят постоянные манипуляции. Традиционное пространство мест с его сложившейся структурой по схеме «центр — периферия» трансформируется в пространство потоков, структура которых выглядит как «сеть — узлы». Включенным в глобализацию оказывается лишь тот мир, который подключен к этим потокам, образующим, в свою очередь, глобальные сети [13].

Говоря о преобразованиях, произошедших с пространством и временем, необходимо остановиться и на такой категории, как архитектурная форма, которая тоже подверглась пересмотру под влиянием глобализации. Изменения в архитектурном формообразовании связаны с двумя основными причинами. Во-первых, это возникновение «компьютерной эстетики» и «дигитального языка» проектирования с изощренным инструментарием форм, полижанровостью и полистилизмом. Наблюдается тенденция к универсализации языка «глобальной архитектуры», основанного на компьютеризации проектного процесса. Во-вторых, возникает современное понимание формы как процесса ее бесконечного развития, исчезновения ее границ, целостности и стабильности. Превращение одного объекта в другой путем постоянных деформаций лишает форму ее классической определенности. В результате этих деформаций архитектурная форма становится текучей, оплазменной, изогнутой сразу в нескольких направлениях.

Использование компьютерных программ обусловило появление способов разработки сложнейших пространственных форм, ранее недоступных воображению. Еще в 1990-е годы эти эксперименты с поиском новых динамичных способов формообразования, обеспеченных компьютерными технологиями, были если не единичными, то не массовыми. И. А. Добрицына отмечала, что к началу XXI века «нелинейные процессы, стремительно осваиваемые неоавангардом... не приняты архитектурным мейнстримом» [14]. В настоящее время дигитальная архитектура стала повсеместным явлением. Транслируемые в сети Интернет архитектурные объекты, не подвластные законам гравитации, демонстрируют идею полностью свободной формы. Непрерывный морфинг, превращение одного объекта в другой путем постоянных деформаций лишает форму ее классической определенности. Такая неструктурированная форма снимает оппозицию «прекрасное — безобразное», создавая базу для нового типа эстетического сознания.

Компьютерные технологии позволяют производить действия, которые базируются на непредсказуемости результата. При помощи компьютера меняется роль архитектора, его взаимоотношения с проектом: автор теперь не работает над изменениями модели, здание изменяется самостоятельно. Архитектору предоставляется лишь отрегулировать параметров этих изменений. Появляется возможность новой системы организации среды обитания, которая будет больше напоминать постоянно самообновляющиеся формы живой природы.

Использование мощного программного обеспечения позволило свободно оперировать дигитальными формами. Часто для их построения используются программы, отнюдь не предназначенные для архитектуры. На распространение такого формотворчества большое влияние оказали опыты архитекторов-авангардистов Ф. Гери и П. Эйзенмана. Известным примером является музей в Бильбао (Испания) Ф. Гери, созданный с использованием алгоритма САТИА — программы, рассчитывающей обшивку самолетов. Образ аморфного динамичного пространства получил воплощение в технологии проектирования американского архитектора Г. Линна (развивающего параметризм), который разрабатывает форму здания на компьютере, используя технику, которую он назвал «капле моделирование» («blob-modelling») (рис. 2). В этой технологии используются анимационные программы трехмерного моделирования, в которых создается набор каплеобразных форм, соответствующих зонированию основных помещений. При помощи «капле моделирования» Грег Линн создал свой известный проект реконструкции Корейской Пресвирианской церкви в Нью-Йорке (1999) (рис. 3).

Рис. 2. Пример «блб-моделинга». Музей современного искусства в Граце, Австрия, 2003. Арх. П. Куж и К. Фурнье

Рис. 3. Корейская церковь в Нью-Йорке, 1999. Арх. Г. Линн. URL: <http://www.designboom.com/wp-content/uploads/2012/11/01KPCNY.jpg>

Создаваемые при помощи компьютера поверхности можно охарактеризовать как сильно изогнутые сразу в нескольких направлениях, не сводимые

к плоскости. Кривизна таких оболочек во много раз превосходит известные конструкции типа гиперболических параболоидов. Эти «нелинейные» формы являются совершенно атектоничными, существующими вне законов гравитации, как бы парящими в безвоздушном пространстве. Они напоминают облака, в которых можно увидеть самые разные образы, или текучую жидкость, которая может принимать самые разнообразные формосостояния. Образы такой «дигитальной архитектуры» варьируют от простых капель до элегантных волноподобных форм, от рваных фракталов до подчеркнуто нейтральных «инфо-форм» («datascapes») [14]. Такие объекты не привязаны к какому-либо месту, они готовы в любой момент «оторваться» от него и «приземлиться» на другом конце света и совершенно не измениться. Дигитальная архитектура уводит нас от рациональной реальности, душевного покоя и тепла, которые хранят в себе привычные глазу и телу формы и материалы.

Территория в глобальной архитектуре потеряла силу формообразования. Немецкий теоретик искусства Борис Гройс дает следующую характеристику этому явлению: «Мы готовы сегодня находить эстетически привлекающими и убедительными, прежде всего, художественные стратегии, способные производить искусство, которому удастся закрепиться в самых разных культурных контекстах и в самых разных условиях. То, что нас сегодня очаровывает, это как раз не локально обусловленные различия и культурные идентичности, а художественные формы, которые способны везде в одинаковой мере утверждать свою собственную идентичность и стабильность» [15].

Отличительными чертами нового формообразования становятся:

- текучие, изменчивые, волнообразные или плазменные формы;
- главное внимание архитектора обращено на оболочку здания, которая разделена с его структурой;
- иррациональность формы, особая прозрачность и проницаемость объекта;
- иллюзорность и потусторонность технообразов.

Глобализация поддерживает ускоренный процесс дигитализации архитектурного языка, способного претендовать на универсальность и адекватность времени. Завораживающие новые «нелинейные»¹ формы оказались наиболее соответствующими для выражения сути глобализма — непривязанность, отрыв от места (де-территориализация), зрелищность, изменчивость и динамичность, волнообразность развития, всеохватность и фантастичность масштабов, универсальная не-принадлежность никакой культуре.

В настоящее время воздействие процессов глобализации на архитектуру происходит неравномерно. Под понятие «глобальная архитектура» подпадают архитектурные объекты, которые используются как пространственная оболочка для международного бизнеса — мира финансов, производства, туризма, отдыха и развлечений и других сфер. Архитектурные проявления процесса глобализации выражаются в создании офисов, сетевых структур стандартизированных гостиниц (рис. 4), ресторанов, торговых центров, сохраняющих известные торговые марки магазинов, тематических парков и объектов культурной деятельности (музеев, театров, концертных залов, библиотек).

---

¹ Понятие «нелинейная архитектура» введено И. А. Добрицыной для определения нового способа архитектурного формообразования [16].

Рис. 4. Сетевая архитектура. Отель «Хайят», Екатеринбург, 2012

Ключевым образом современных «глобальных городов» является концентрация высотных башен-небоскребов на небольшой территории делового центра. В этом центре-Сити заключен смысл города как сосредоточения и концентрации различных форм жизнедеятельности, раскрывающийся через множественность и концентрацию небоскребов. Он воплощается через различные размеры, формы, структуры высотных зданий. Современный деловой центр характеризуется предельной концентрацией форм жизненной активности и их неоднократной реализацией в архитектурных формах, крайним отношением плотности застройки между центром и периферией. Первый пример планирования нового высотного Сити в России был показан столицей. Этим объектом, привлечшим всеобщее внимание, стал деловой центр «Москва-Сити», расположившийся на Краснопресненской набережной (рис. 5).

Рис. 5. Международный деловой центр «Москва-Сити», 2010

Для полноценного соответствия рангу «глобального города» необходимо не только строительство небоскребов, но и развитие таких городских подсистем, как транспортная и инженерная инфраструктура [19]. Непременное условие для эффективного функционирования «глобального города» — высокий уровень транспортной доступности. Аэропорты-хабы² являются своеобразными «входными воротами глобализации» в пространство региона или страны. Образ небоскреба бросается в глаза и визуально быстрее запоминается, но ни в одном небоскребе нет ни возможности, ни необходимости ежедневно пропускать через себя потоки пассажиров и грузов, распределяя их по определенным направлениям. Архитектурный образ, технологическая обеспеченность, размеры, удобство и комфорт перелетов и возможности связи с деловым центром города являются отличительными признаками аэропортов как объектов «глобальной архитектуры».

Безусловно, глобализация приводит к интенсификации архитектурных контактов, взаимопроникновению новых, неизвестных ранее стилевых течений. Но одновременно глобализация требует доминирования этих новых систем ценностей в ущерб другим, местным сложившимся течениям, архитектурным традициям. Вторжение новых, ранее неизвестных архитектурных и урбанистических форм часто вызывает неприятие и отторжение как у отдельных социальных групп общества, так и у профессионалов. «Глобальная архитектура» может восприниматься локальным социумом как враждебная сила, разрушающая традиционный уклад и привычное архитектурное пространство, среду проживания, которая формирует самоидентификацию человека. Таким образом, вместе с возрастающей унификацией и гомогенизацией в архитектуре формируются и противостоящие ей движения, которые призваны отвечать «аутентичности места», национальным и региональным приоритетам. Эти тенденции выражаются в сохранении традиций, «локальных диалектов» архитектуры в форме различных направлений регионализма, контекстуализма, традиционализма [18]. В это направление входит и движение за сохранение архитектурно-градостроительного наследия.

Анализируя взаимоотношения «глобального» и «локального» в архитектурном пространстве городов, уместно задаться вопросом об отношении уже региональной архитектуры к глобальным объектам. Каким образом это направление вступает в диалог с объектами «глобального слоя», приспособляется ли к ним, подчинившись законам иного формотворчества, или становится контекстом, фоном для новых доминант? Анализ показывает, что в большинстве случаев как глобальная архитектура «не замечает» локальную, «воспаряясь» над сложившимся контекстом, так и локальная архитектура идет своим путем, обусловленным стремлением к сохранению собственной идентичности и самобытности. Всюду наблюдается противодействие и противостояние локального движения глобальной культурной колонизации.

Роли локальной и глобальной частей в развитии города различны. Локальная часть города является стабилизатором его развития, а глобальная часть — стимулятором развития. Такая двойственность города при соблюде-

² Пассажирским хабом может быть аэропорт, обслуживающий существенную часть (30 % и более) трансферных пассажиров, совершающих пересадку (трансфер) с рейса одной авиакомпании на рейс другой.

нии определенного баланса позволяет ему обеспечивать устойчивость развития и адаптивность к изменениям. Разбалансировка в пользу локального ведет к усилению провинциальности города, перекося в сторону глобального означает отрыв города от своего окружения («Москва — не Россия»), обострение внутренних конфликтов («периферия — центр») и большую предрасположенность к внешним ударам («волны кризиса, проникающие через пронизываемую сеть»).

Главная проблема, которая возникает в ходе воздействия глобализационных процессов, — это конфликт между стремлением к сохранению собственной идентичности и самобытности и необходимостью экономического развития, заставляющей подчиниться требованиям мейнстрима. Иными словами, по одну сторону баррикад — противостояние глобальной культурной колонизации и ценностей традиционной культуры с целью сохранения идентичности (нации, региона, местности), по другую сторону — законы конкуренции и стремление занять высокое место в современной иерархии, которые требуют отказа от культурного прошлого и подчинения общим глобальным ценностям.

Таким образом, изучение дихотомии «глобальное — локальное» в архитектурном пространстве современного города показало, что глобализационные процессы в архитектуре имеют эволюционную природу. Выявлены циклические «волны» архитектурной глобализации, сопровождавшие военную, экономическую, религиозную или идеологическую экспансию.

На основании изучения трансформаций, произошедших с основополагающими категориями «пространство — время», и новых условий архитектурного формообразования определены основные особенности современного процесса глобализации, очерчен круг проблем в развитии архитектуры, вызванных глобализацией, в том числе сохранение местных региональных архитектурно-градостроительных традиций как мирового культурного ресурса, плюрализм в формообразовании и универсализация восприятия архитектурных форм, размывание архитектурно-смысловой идентификации мест.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Кирьянова Л. Г.* Дихотомия «глобальное/локальное»: к вопросу постановки проблемы // Известия Томского политехнического университета. 2007. Т. 310. № 2. С. 225—230.
2. *Пантин В. И.* Циклы и волны глобальной истории. Глобализация в историческом измерении. М., 2003. 276 с.
3. *Хан-Магомедов С. О.* XX век в структуре тысячелетий // Наследие в опасности. Сохранение архитектуры XX века и всемирное наследие : сб. докл. междунар. конф., 17—20 апреля 2006 г. Берлин: Hendrik Babler Verlag, 2007. С. 29—34.
4. *Schumacher P.* Parametricism: A New Global Style for Architecture and Urban Design // AD Architectural Design. July/August 2009. Vol. 79. № 4. Pp. 14—23. DOI: 10.1002/ad.912
5. *Bauman Z.* Globalization: The Human Consequences. Polity Press, Blackwell Publishers Ltd., 1998.
6. *Appadurai A.* Disjuncture and Difference in the Global Cultural Economy // Global Culture / ed. by M. Featherstone. London, 1990.

7. Appadurai A. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis, 1996. 229 p.
8. Giddens A. *The consequences of modernity*. Cambridge: Polity in association with BlackWell, 1990. 186 p.
9. Rolf J. *The Dream Society: How the Coming Shift from Information to Imagination Will Transform Your Business*. McGraw, May 1999. 224 p.
10. Harvey D. *The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change*. Cambridge, MA: Blackwell, 1990. 378 p.
11. Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования / под ред. С. С. Артоболевского и Л. М. Синцера. М.: Эслан, 2010. URL: <http://www.ecoross.ru/files/books2010/Sjatie%20prostranstva,%202010.pdf>
12. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М., 2000. 606 с.
13. Сассен С. Глобальный город: введение понятия // Глобальный город: теория и реальность / под ред. Н. А. Слуки. М.: ООО «Аванглион», 2007. С. 9—27.
14. Добрицына И. А. От постмодернизма — к нелинейной архитектуре: Архитектура в контексте современной философии и науки. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 448 с.
15. Гройс Б. Город в эпоху его туристической воспроизводимости // Неприкосновенный запас. 2003. № 4(30).
16. Добрицына И. А. Нелинейная парадигма в архитектуре 90-х годов XX века // Вопросы теории архитектуры. Архитектурное сознание XX—XXI веков: разломы и переходы. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 146—206.
17. Adam R. Globalisation and architecture // *Architectural Review*. 2008. № 2 (1332). Pp. 74—78.
18. Фремpton К. Современная архитектура: критический взгляд на историю развития / под ред. В. Л. Хайта. М.: Стройиздат, 1990. 535 с.

REFERENCES

1. Kir'yanova L. G. ["Global/ Local" Dichotomy: to the issue of problem statement]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk Polytechnic University], 2007, 310(2), pp. 225—230.
2. Pantin V. I. *Tsikly i volny global'noi istorii. Globalizatsiya v istoricheskom izmerenii* [Cycles and waves of global history. Globalization in historical measurement]. Moscow, 2003. 276 p.
3. Khan-Magomedov S. O. [XX century in the structure of millennium]. *Nasledie v opasnosti. Sokhranenie arkhitektury XX veka i vseмирное наследие : sbornik dokladov mezhdunarodnoi konferentsii, 17—20 aprelya 2006 g.* [Heritage is in danger. Maintenance of the architecture of the XX century and world heritage. Proc. of Int. Conf., 17—20 aprelya 2006 g.]. Berlin, Hendrik Babler Verlag, 2007. Pp. 29—34.
4. Schumacher P. Parametricism: A New Global Style for Architecture and Urban Design. *AD Architectural Design*, 2009, 79(4), pp. 14—23. DOI: 10.1002/ad.912
5. Bauman Z. *Globalization: The Human Consequences*. Polity Press, Blackwell Publishers Ltd., 1998.
6. Appadurai A. Disjuncture and Difference in the Global Cultural Economy. *Global Culture*, ed. by M. Featherstone. London, 1990.
7. Appadurai A. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis, 1996. 229 p.

8. Giddens A. The consequences of modernity. Cambridge, Polity in association with BlackWell, 1990. 186 p.
9. Rolf J. *The Dream Society: How the Coming Shift from Information to Imagination Will Transform Your Business*. McGraw, May 1999. 224 p.
10. Harvey D. *The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change*. Cambridge, MA, Blackwell Publ., 1990. 378 p.
11. Artobolevskii S. S., Sintserov L. M., ed. *Szhatie sotsial'no-ekonomicheskogo prostranstva: novoe v teorii regional'nogo razvitiya i praktike ego gosudarstvennogo regulirovaniya* [Shrinkage of social and economic space: new in the theory of regional development and in the practice of its state control]. Moscow, Eslan Publ, 2010. URL: <http://www.ecoross.ru/files/books2010/Sjatie%20prostranstva,%202010.pdf>
12. Castells M. *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [Information era: economy, society and culture]. Moscow, 2000. 606 p.
13. Sassen S. *Global'nyi gorod: teoriya i real'nost'* [Global city: theory and reality], ed. by N. A. Sluki. MoscowAvanglion Publ., 2007. Pp. 9—27.
14. Dobritsyna I. A. *Ot postmodernizma — k nelineinoi arkhitekture: Arkhitektura v kontekste sovremennoi filosofii i nauki* [From postmodernism to nonlinear architecture: Architecture in the context of modern philosophy and science]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2004. 448 c.
15. Grois B. [City in the era of its tourist reproducibility]. *Neprikosnovennyi zapas* [Emergency stock], 2003, no. 4(30).
16. Dobritsyna I. A. [Nonlinear paradigm in the architecture of the 90s of XX century]. *Voprosy teorii arkhitektury. Arkhitekturnoe soznanie XX—XXI vekov: razlomy i perekhody* [Questions of the theory of architecture. Architectural perception of XX-XXI centuries: fractures and transitions]. Moscow, Editorial URSS, 2001. Pp. 146—206.
17. Adam R. Globalisation and architecture. *Architectural Review*, 2008, no. 2 (1332), pp. 74—78.
18. Frempton K. *Sovremennaya arkhitektura: Kriticheskii vzglyad na istoriyu razvitiya* [Modern architecture: a Critical history of development]. Mosow, Stroizdat Publ., 1990. 535 c.

© Птичникова Г. А., Антюфеев А. В. 2015

*Поступила в редакцию
в январе 2015 г.*

Ссылка для цитирования: Птичникова Г. А., Антюфеев А. В. Дихотомия «глобальное — локальное» и ее роль в структурировании архитектурного пространства современного города // Социология города. 2015. № 1. С. 5—19.

For citation: Ptichnikova G. A., Antyufeev A. V. [«Global-local» dichotomy and its role in the structuring of architectural space of a modern city]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2015, no. 1, pp. 5—19.

УДК 316:004.738.5-057.875

*М. В. Галенко,
С. М. Дементьев,
Е. В. Карчагин,
Ю. А. Черникова*

КУЛЬТУРА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СЕТИ ИНТЕРНЕТ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ

Статья посвящена проблемам культуры использования сети Интернет, в особенности интернет-коммуникации, социальной активности и справедливости. Рассмотрен характер использования студентами сети Интернет с учетом гендерных, возрастных и социокультурных факторов. Авторы опираются на социологическое исследование, проведенное в ВолГАСУ. При этом результаты исследования интерпретируются на широкой сравнительной платформе с привлечением отечественных и зарубежных данных. Отмечается, что время, проводимое студентами в сети Интернет, составляет значительную часть суток. Эффективность использования интернет-ресурсов по мере того как студент переходит с курса на курс изменяется неравномерно. Прямой зависимости характера использования Интернета от постоянного места жительства не обнаружено. Интернет-коммуникация многофункциональна. Наиболее часто студенты используют три функции: а) игры и развлечения; б) учеба и работа; в) общение. В то же время сравнительно низкое доверие к информации в Интернете и в других СМИ, а также фиксируемое исследователями «брожение умов» являются признаками особой формы интенсивной, но неучитываемой социально-политической активности студенчества, что вызывает необходимость дальнейшего исследования данного аспекта.

Ключевые слова:

Интернет,
коммуникация,
студенчество,
технический вуз,
социально-политическая активность,
ценности,
справедливость.

За короткий исторический период возникла глобальная сеть хранения, передачи, обработки информации. Она приобретает свойства коммуникационной информационно-управляющей среды, которая, наряду с социальной и экологической, становится новой средой обитания человека. Эта среда вовлекает в сферу своей эволюции и влияния почти все человечество во всех сферах его жизнедеятельности [1, 2]. Интернет стал полноценным «mass medium» [3]. Число интернет-пользователей за последнее десятилетие достигло 2,28 млрд человек, или 32,7 % населения планеты. В России, по результатам исследования Фонда «Общественное мнение», на весну 2014 г. доля активной аудитории — это выходящие в Сеть хотя бы раз за сутки — составляет 50 % (58,3 млн человек). Годовой прирост интернет-пользователей, выходящих в Сеть хотя бы раз за месяц, составил 7 %, а для суточной аудитории данный показатель равен 12 %¹.

В последние десятилетия проведено огромное количество исследований, объектом которых стал Интернет. Исследуется деятельность человека в Интернете, анализируется влияние Интернета на личность, социализацию и образование [4]. Возникла потребность исследования проявления гендера в сети Интернет [5]. Авторы часто противопоставляют и сопоставляют коммуникацию Интернет и книжную коммуникацию [6]. В ряде работ Интернет рассматривается как источник негативных и опасных для личности социальных феноменов, анализируется проблема интернет-зависимости [7]. В то же время отмечаются факты положительного влияния Интернета на социально-психологические аспекты личностного развития [8, р. 169].

Исследования последних лет фиксируют появление яркой и разнообразной сетевой публичной сферы, которая составляет независимую альтернативу более жестко контролируемым оффлайн СМИ и политическому пространству, а также растущее использование цифровых платформ в общественной мобилизации и гражданских действиях. При этом, несмотря на различные косвенные усилия по формированию кибер-

¹ Интернет в России: динамика проникновения. Весна 2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://runet.fom.ru/Proniknovenie-interneta/11567>

*M. V. Galenko,
S. M. Dement'iev,
E. V. Karchagin,
Yu. A. Chernikova*

THE CULTURE OF THE INTERNET USE BY STUDENTS

The article is devoted to the issues of the culture of the Internet use, particularly Internet communication, social activity and justice. It also considers the nature of the Internet use by the students taking into account gender, age and social and cultural factors. The authors rely on the sociological study conducted in VSUACE. The results of the study are interpreted on a wide comparative platform attracting domestic and foreign data. It is noted that the time spent by students on the Internet is a big part of the day. The effectiveness of the use of Internet resources as a student moves from one year to another varies irregularly. There is no direct dependence of the Internet use on the permanent residence. Internet communication is multifunctional. Most often students use three functions: a) games and entertainment; b) education and work; c) communication. At the same time, the relatively low credibility of information on the Internet and in other media, as well as "intellectual ferment" defined by researchers are the signs of a special form of intensive, but unrecorded social and political activity of the students, which is necessary to be investigate further.

Key words:

Internet,
communication,
students,
technical university,
social and political activity,
values,
justice.

Об авторах:

*Галенко Мая Владимировна –
кандидат социологических наук,
доцент кафедры философии,
социологии и психологии,
Волгоградский государственный
архитектурно-строительный
университет (ВолГАСУ).
Российская Федерация, 400074,
г. Волгоград, ул. Академическая, 1,
mayagalenko@mail.ru*

пространства в среду, являющейся дружественной по отношению к правительству, русский Интернет в общем остается открытым и свободным, хотя текущий уровень свободы в Интернете ни в коем случае не есть предсказание его будущего [9].

Интернет в последнее десятилетие стал важнейшим социокультурным пространством, в котором стала осуществляться коммуникативная активность. Наиболее активной группой в процессах интернет-взаимодействий является молодежь, и в особенности студенческая молодежь. Широкое распространение интернет-коммуникации может стать одним из «социогенных рисков социализации молодежи в условиях городской среды» [10]. Феномену интернет-коммуникации студенчества посвящено достаточное количество исследований [11–13]. В работах Е. Р. Южаниновой рассматриваются аксиологические аспекты использования сети Интернет студенческой молодежью [14, 15]. Объектом большинства исследований, как правило, являются студенты гуманитарных вузов.

Целью исследования было установление характера использования Интернета студентами технического вуза с учетом гендерных, возрастных и социокультурных факторов. Для этого проведен анкетный опрос студентов Волгоградского государственного архитектурно-строительного университета (апрель 2014 г.). Выборочная совокупность $N=274$. Выборка квотная с учетом факультета, курса обучения и социокультурных факторов. Данные опроса обработаны с помощью пакета прикладных статистических программ SPSS.

Задачи исследования:

1. Установить, как часто и с каких устройств студенты выходят в Интернет.
2. Определить, с какой целью студенты используют Интернет и в чем, по их мнению, заключаются основные достоинства интернет-коммуникации.
3. Установить, какими услугами социальных сетей пользуются студенты.
4. Выявить особенности поведения и виртуального общения студентов в социальных сетях с учетом гендерных, возрастных и социокультурных факторов.

Galenko Maya Vladimirovna –
Candidate of Sociology,
Docent of Philosophy, Sociology
and Psychology Department,
Volgograd State University of Architecture
and Civil Engineering (VSUACE).
1, Akademicheskaya St.,
400074, Volgograd, Russian Federation

Дементьев Сергей Михайлович –
кандидат медицинских наук,
доцент кафедры философии, социологи-
гии и психологии,
Волгоградский государственный
архитектурно-строительный
университет (ВолгГАСУ).
Российская Федерация, 400074,
г. Волгоград, ул. Академическая, 1,
dementiew37@mail.ru

Dement'ev Sergei Mikhailovich –
Candidate of Medical Sciences,
Docent of Philosophy, Sociology
and Psychology Department,
Volgograd State University of Architecture
and Civil Engineering (VSUACE).
1, Akademicheskaya St.,
400074, Volgograd, Russian Federation,
dementiew37@mail.ru

Карчагин Евгений Владимирович –
кандидат философских наук,
доцент кафедры философии,
социологии и психологии,
Волгоградский государственный
архитектурно-строительный
университет (ВолгГАСУ).
Российская Федерация, 400074,
г. Волгоград, ул. Академическая, 1,
evgenkar@yandex.ru

Karchagin Evgenii Vladimirovich –
Candidate of Philosophy,
Docent of Philosophy, Sociology
and Psychology Department,
Volgograd State University of Architecture
and Civil Engineering (VSUACE).
1, Akademicheskaya St.,
400074, Volgograd, Russian Federation,
evgenkar@yandex.ru

Черникова Юлия Александровна –
кандидат философских наук,
доцент кафедры философии,
социологии и психологии,
Волгоградский государственный
архитектурно-строительный
университет (ВолгГАСУ).
Российская Федерация,
400074, г. Волгоград,
ул. Академическая, 1,
soleil78@rambler.ru

Chernikova Yuliya Aleksandrovna –
Candidate of Philosophy,
Docent of Philosophy, Sociology
and Psychology Department,
Volgograd State University of Architecture
and Civil Engineering (VSUACE).
1, Akademicheskaya St.,
400074, Volgograd, Russian Federation,
soleil78@rambler.ru

Рабочие гипотезы:

- Время, проводимое студентами в Интернете, составляет значительную часть суток (4—5 ч). При этом выход с мобильных устройств осуществляется чаще, чем со стационарного компьютера.

- Чем меньше возраст студентов (младшие курсы), тем больше их вовлеченность в социальные сети, выше их коммуникативная активность в виртуальном пространстве. При переходе на старшие курсы более активно используются сервисы, которые позволяют решать профессионально-учебные задачи, и менее задействуются сайты, предназначенные для развлечения.

- Привлекательными свойствами интернет-коммуникации для студентов являются: открытость, анонимность, быстрый доступ к информации, возможность вести свой блог, возможность участия в создании сетевых сообществ, социальных акций и флэш-мобов.

- Студенты из малых городов и сельской местности менее активны в Интернете, чем постоянно проживающие в областном центре. Они чаще используют Интернет для развлечения, игр и знакомств.

- Использование сети для учебы не является ведущей функцией Интернета для студентов вуза. Общение, знакомства, развлечения, игры имеют первостепенное значение.

Первое, на что следует обратить внимание при анализе результатов нашего исследования, — это время, проводимое студентами в Интернете. Более трех часов в будние дни проводят 50 % студентов, в выходные дни даже больше — 69 %, причем у 34,7 % время пребывания в Интернете в выходные дни составляет более пяти часов. Оказалось, что студенты ВолгГАСУ проводят в Интернете даже больше времени, чем студенты ведущих московских вузов: в МГУ, например, таких 23,2 %, в МГИМО — 19,6 %, в РУДН — 31,7 % [16]. Столь большое общее время получается за счет того, что время, проводимое в Интернете за стационарным компьютером, сокращается, а время выхода с мобильных устройств увеличивается.

Любопытно, что благодаря увеличению количества устройств и способов подключения к Сети сама доступность Интернета в последние несколько лет, по-видимому, перестала быть значимой социальной проблемой, хотя, к примеру, еще в 2008 г. для московских студентов это было актуально. Согласно исследованию П. Твердынина и А. Черемисина, «менее обеспеченные студенты полагали необходимым наличие в стенах вуза более широкого доступа к Интернету, в то время как более обеспеченным это было, как правило, безразлично» [17, с. 82]. Можно сказать, что в Волгограде проблема «цифрового неравенства» и «цифровой несправедливости» не является наиболее актуальной.

Длительное пребывание в Интернете, однако, может иметь свои негативные последствия: формируется интернет-аддикция, возрастает психологическая и эмоциональная нагрузка, что небезопасно для молодого организма, общение лицом к лицу вытесняется виртуальным общением, качественная социокультурная рекреация ограничивается. Хотя подобные риски не всегда реализуются. Вряд ли следует утверждать наличие фундаментальных духовных деформаций. Высказывания студентов чаще всего, по замечанию А. В. Соколова, «свидетельствуют в пользу их адаптации к условиям информационного общества» [6, с. 57].

Что привлекает студентов в Интернете? Чем они занимаются в первую очередь? Как используются возможности интернет-коммуникации? (табл. 1).

Таблица 1. Гендерные различия использования студентами сети Интернет, %

Виды занятий	Юноши	Девушки
Играю в онлайн игры, смотрю фильмы и видео, слушаю музыку	50,3	49,7
Общаюсь, обмениваюсь мнениями в социальных сетях, на форумах, на сайтах знакомств и т. д.	38,5	61,5
Использую Интернет для учебы и работы	52,7	47,2
Пользуюсь Интернетом как СМИ, читаю новости, публицистику и т. п.	61,3	38,7
Использую Интернет как источник полезной информации: прогноз погоды, рецепты, полезные советы и т. п.	40,4	59,6
Создаю сайты, реализую свои творческие способности	1,0	2,0

Оказалось, что три первых места занимают такие функции, как игры и развлечения, учеба и работа, общение и знакомство. Такие функции, как источник полезной информации, а также реализация творческих способностей используются значительно реже.

При этом имеются существенные гендерные различия: юноши чаще используют Интернет как источник массовой информации, читают новости, публицистику и т. п. (61,3 %), зато девушки чаще используют функцию общения и обмена мнениями (61,5 %), юноши делают это значительно реже (38,5 %); девушки также чаще используют Интернет как источник полезной информации (59,6 %), юноши пользуются этим реже (40,4 %). В данном случае мы сталкиваемся с гендерными психолого-поведенческими различиями, связанными с социальными установками, с бытом, семейными обязанностями, традицией и культурой, хотя делать достоверные долгосрочные прогнозы преждевременно, так как исследования гендерных аспектов интернет-коммуникации только начинаются.

Студенты практически без исключения вовлечены в общение в социальных сетях. Наибольшей популярностью пользуются «ВКонтакте», «Facebook» и «Одноклассники».

Среди достоинств общения в Интернете прежде всего студенты ВолгГАСУ отмечают «возможность общаться с людьми на расстоянии» (30,8 %); «доступность и простота» (21,7 %); «возможность общаться с гражданами других стран» (14,0 %). Значительно меньше внимания обращают наши респонденты на такие особенности, как «анонимность общения» (2,1 %), «отсутствие моральных норм и обязательств» (0,9 %), «свобода в выражении мыслей» (5,2 %). На доступность сетевого общения указало подавляющее большинство студентов московских вузов: МГИМО — 64,8 %; МГУ — 72,8 %; РУДН — 52,8 % [16]. Заметим, что общение в качестве ведущей ценности Интернета называется и студентами Оренбургского университета [15, с. 164].

Следует отметить, что 21,9 % студентов принимают участие в социальных акциях и флэш-мобах, 9,1 % ведут свой блог в каком-либо из порталов. На вопрос «Можете ли Вы без опаски и стеснения выражать в повседневной жизни те мысли, которые Вы высказываете в Сети, публикуете в блогах?» 81,1 % ответили утвердительно. Эти данные опровергают распространенное мнение о социальной и политической пассивности молодежи. Студенты с помощью интернет-коммуникации достаточно активно участвуют в новых формах общественной жизни, включая протестные практики. Так, согласно изысканиям А. С. и С. А. Ваторопиных, в рамках крупных открытых протестных групп в социальной сети «ВКонтакте» для всего российского студенчества характерно определенное «брожение умов», при этом «в рамках собственно студенческих протестных групп учащиеся сосредоточены прежде всего на обсуждении проблем образования» [18].

К информации, размещенной в Интернете, студенты относятся вполне критично. Порталам официальных СМИ полностью доверяют 22,6 % опрошенных, частично — 65,3 %; описанию фактов в блогосфере полностью — 5,5 %, частично — 48,9 %; информации, полученной посредством обсуждения чего-либо на форумах полностью — 1,8 %, частично — 45,3 %; страницам и сайтам частных лиц полностью — 1,5 %, частично — 43,4 % (табл. 2).

Таблица 2. Степень доверия студентов к информации, размещенной в Интернете, %

Источники информации	Полностью	Частично	Не доверяю
Порталы официальных СМИ	22,6	65,3	8,8
Порталы компаний или организаций	20,4	60,9	9,5
Описание фактов в блогосфере	5,5	48,9	31,8
Полученная посредством общения в Сети	2,9	51,1	35,0
Полученная посредством обсуждения на форумах	1,8	45,3	43,1
Полученная на новостных сайтах	22,6	58,8	10,9
Страницы и сайты частных лиц	1,5	43,4	11,7

Эффективность использования ресурсов интернет-коммуникации по мере того как студенты переходят на более старшие курсы, изменяется неравномерно. Заметно возрастает с 1-го по 3-й курс использование Интернета для

учебы и работы (от 71,9 до 78,7 %); использование Интернета как средства массовой информации с 1-го по 4-й курс возрастает от 28,1 до 43,5 %; использование Интернета как источника полезной информации (прогноз погоды, полезные советы, рецепты и т. п.) с 1-го по 3-й курс возрастает (от 34,4 до 47,5 %). В то же время общение в сетях, обмен мнениями, знакомства значительно сокращаются с 1-го по 4-й курс (от 73,4 до 54,3 %). Данная тенденция безусловно связана с фактором взросления и изменения интересов, потребностей и ценностных ориентаций (табл. 3).

Таблица 3. «Чем Вы чаще всего занимаетесь в Интернете?», %

Виды занятий	1 курс	2 курс	3 курс	4 курс
Играю в онлайн игры, смотрю фильмы и видео, слушаю музыку	64,1	47,4	62,3	70,7
Общаюсь, обмениваюсь мнениями в соцсетях или на сайтах знакомств	73,4	56,1	52,5	54,3
Использую Интернет для учебы, работы	71,9	75,4	78,7	69,6
Пользуюсь Интернетом как средством массовой информации	28,1	29,8	29,5	43,5
Создаю сайты, выставляю свои фото, реализую творческие способности	0,0	3,5	3,3	2,2
Использую Интернет как источник полезной информации	34,4	29,8	47,5	35,9

На характер использования интернет-коммуникации студентами вуза, помимо гендера и возраста, определенное влияние оказывает такой фактор, как постоянное место жительства. Проживающие в большом городе (областной центр) по сравнению с жителями малых городов и сельской местности чаще используют Интернет для учебы и работы (соответственно 74,3 и 66,2 %), чаще пользуются Интернетом как средством массовой коммуникации (38,5 и 26,9 %), а также чаще используют Интернет как источник полезной информации (38,5 и 30,9 %). В то же время жители малых городов чаще используют Интернет для игр и развлечения. Однако такая функция Интернета, как общение, практически одинаково активно используется всеми группами (табл. 4).

Таким образом, проведенное исследование в сопоставлении с аналогичными попытками изучения интернет-коммуникации студенчества позволяет сделать ряд **выводов**.

1. Время, проводимое студентами в сети Интернет, составляет значительную часть суток, у трети студентов оно составляет свыше пяти часов, что может иметь неблагоприятные последствия в виде возрастания психологической нагрузки, интернет-зависимости, замены реального общения на виртуальное, ограничения качественной социокультурной рекреации.

2. Интернет-коммуникация многофункциональна. Наиболее часто студенты используют три функции: а) игры и развлечения; б) учеба и работа; в) общение. Такие функции Интернета, как СМИ, источник полезной информации или помощь в реализации творческих возможностей, используются значительно реже. В то же время сравнительно низкое доверие к информации

в Интернете и в других СМИ, а также фиксируемое исследователями «брожение умов» являются признаками особой формы интенсивной, но неучитываемой социально-политической активности студенчества.

Таблица 4. Характер использования интернет-коммуникации студентами в зависимости от постоянного места жительства, %

Виды занятий	Областной центр	Город областного подчинения	Райцентр	Сельская местность
Играю в онлайн игры, смотрю фильмы и видео, слушаю музыку	59,6	68,7	64,7	59,3
Общаюсь, обмениваюсь мнениями в соцсетях	59,6	58,2	60,3	55,6
Использую Интернет для учебы и работы	74,3	74,6	66,2	85,2
Пользуюсь Интернетом как средством массовой информации	38,5	26,9	32,4	37,0
Создаю сайты, выставляю фото, реализую творческие возможности	1,8	1,5	2,9	0,0
Использую Интернет как источник полезной информации	38,1	40,3	30,9	37,0

3. Эффективность использования интернет-ресурсов по мере того как студент переходит с курса на курс изменяется неравномерно. Заметно возрастает использование Интернета для учебы и работы при сокращении его использования для общения и знакомства. Интересно отметить, что использование сети Интернет для развлечения и игр изменяется мало.

4. Прямой зависимости характера использования Интернета от постоянного места жительства не обнаружено. Очевидно, такие особенности его, как простота и доступность сетевого общения, легкость установления контактов, быстрый доступ к информации о том, что происходит в мире, создают равные и справедливые возможности для жителей разных территориальных единиц.

5. Юноши чаще используют Интернет как средство массовой коммуникации (читают новости, публицистику и т. п.), девушки чаще используют функцию общения, а также значительно чаще используют Сеть как источник полезной информации (прогноз погоды, рецепты, рекомендации, полезные советы и т. п.), что позволяет говорить о гендерных различиях использования интернет-коммуникации.

Тем самым большинство выдвинутых нами рабочих гипотез получили подтверждение, но были при этом существенно конкретизированы.

Сделаем также несколько замечаний по итогам нашего исследования. Прежде всего, необходимо продолжить углубленное изучение этического аспекта использования сети Интернет волгоградским студенчеством. Так, словацкие ученые О. Моравчик, Ю. Миштина отмечают важность учета влияния новых информационных технологий на понимание таких важнейших проблем, как приватность, (частная) собственность и справедливость и даже вво-

дят неологизм — «нетикет» (Netiquette) (этикет в Сети), обозначающий совокупность правил поведения и коммуникации в Интернете [19]. Далее, появление Интернета приводит к необходимости пересмотра правовых принципов и теорий, способных эффективно регулировать социальные отношения, в том числе и принцип справедливости [20, р. 131]. Кроме того, сами этические и правовые категории могут видоизменяться и трансформироваться в процессе коммуникации в глобальной сети [21].

В студенческой среде довольно хорошо осознается воздействие Интернета на ценностные ориентации личности. Студенты Санкт-Петербурга на вопрос «Каким образом посредством ИТ (информационных технологий — прим. авторов статьи) осуществляется усвоение культурных и нравственных норм и ценностей российского народа?» отвечали так: 52 % опрошенных ответили, что происходит замена ценностей, ответы «ценности усваиваются и приумножаются» и «ценности только разрушаются» занимают равное количество голосов — по 24 % [22, с. 263]. Как отмечает Е. И. Хомякова по итогам российских протестных движений 2011—2012 гг., «предстоит понять, является ли чувство справедливости в таком глобальном масштабе у современной молодежи следствием работы социальных сетей и авторитета интернет-лидеров» [23, с. 312].

В связи с этим считаем целесообразным и необходимым в научном плане продолжить углубленные исследования социальной и политической активности волгоградского студенчества, а также его ценностных представлений, включая интерпретации базовой социальной ценности — справедливости. Важным здесь будет учет социального фактора — выявление в студенчестве социальных групп, включая группы «новых бедных», обладающих небольшим объемом ресурсов и социального потенциала и редко пользующихся Интернетом. Другим релевантным направлением может стать выявление ключевых направлений канализации социального и политического недовольства в волгоградской студенческой среде на базе «чувства справедливости».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Castells M.* The Internet galaxy : reflections on the Internet, business, and society. Oxford : Oxford University Press, 2002. 304 p.
2. *The Network Society: A Cross-Cultural Perspective / Castells M., ed.* Northampton, MA: Edward Elgar, 2004.
3. *Morris M., Ogan C.* The Internet as Mass Medium // *Journal of Computer-Mediated Communication*. 1996. Vol. 1. Issue 4. DOI: 10.1111/j.1083-6101.1996.tb00174.x
4. *Шуляева И. Ф.* Интернет и культура общения личности // Педагогический журнал Башкортостана. 2011. № 5. С. 263—273.
5. *Gender and the Internet: women communicating and men searching / L. A. Jackson, K. S. Ervin, Ph. D. Gardner, N. Schmitt // Sex roles*. 2001. 44 (5—6). Pp. 363—379.
6. *Соколов А. В.* Студенты на коммуникационном распутье: результаты социологических опросов // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 4 (17). С. 54—57.
7. *Воробьева Т. А., Глушкова С. И., Купко Д. А.* Исследование проблемы зависимости студентов вуза от сети Интернет // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2011. № 2. С. 67—73.
8. *Shaw L. H., Gant L. M.* In defense of the Internet: The relationship communication

and depression, loneliness, self-esteem and perceived social support // *CyberPsychology & Behavior*. 2002. № 5(2). P. 157—171.

9. Exploring Russian Cyberspace: Digitally-Mediated Collective Action and the Networked Public Sphere / K. Alexanyan, V. Barash, B. Etling, R. Faris, U. Gasser, J. Kelly, J. Palfrey, H. Roberts // Berkman Center Research Publication. №. 2012-2. URL: <http://ssrn.com/sci-hub.org/abstract=2014998>

10. Григорьев А. В. Социогенные риски социализации молодежи в условиях городской среды // *Социология города*. 2011. № 1. С. 16—21.

11. Гужбасарова Н. Л. Интернет-коммуникации как средство формирования ценностных ориентаций личности студента: дис... канд. социол. наук. Курск, 2006. 176 с.

12. Обухов К. Н. Интенсивность включения в сетевые структуры коммуникации студентов Удмуртского государственного университета // *Вестник Удмуртского университета. Философия. Психология. Педагогика*. 2010. № 1. С. 49—54.

13. Мордасова Н. А. Провинциальный студент как пользователь сети Интернет: на примере исследования студенчества Тамбовской области // *Библиотеки и информационные ресурсы в современном мире науки, культуры, образования и бизнеса: Тр. 11-й Международной конф. «Крым-2004»*: М., 2004. URL: http://www.library.ru/1/sociolog/text/article.php?a_uid=130

14. Южанинова Е. Р. Аксиосфера интернета и ее морфология // *Вестник Оренбургского государственного университета*. 2013. № 1 (150). С. 80—86.

15. Южанинова Е. Р. Интернет-коммуникация как ценность современного студента // *Система ценностей современного общества*. 2012. № 25. С. 159—165.

16. Кравченко С. Что угрожает студентам в интернете? URL: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document234651.phtml>

17. Твердынин П., Черемисин А. Приоритеты московского студенчества в Интернет-пространстве // *Высшее образование в России*. 2008. № 9. С. 79—82.

18. Ваторопин А. С., Ваторопин С. А. Протестные интернет-практики студенчества в социальных сетях: социологический анализ // *Вопросы политологии и социологии*. 2013. № 1 (4). С. 74—78.

19. Moravčík O., Miština J. The Most Recent Needs In Engineering Communication Training At Technical Universities // *Проблеми інженерно-педагогічної освіти*. 2007. № 17. С. 109—119.

20. Mancini A. Internet justice: philosophy of law for the virtual world. N. Y. : Buenos Books America, 2005. 182 p.

21. Бекбаева Н. Р., Михайлова Е. Е., Фащенко А. Н. Интернет-коммуникации: социально-этический аспект // *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия*. 2013. № 2. С. 5—17.

22. Трескинский А. С. Ценностные ориентации студенческой молодежи и интернет-коммуникации // *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*. 2012. Т. 13 № 4. 258—264.

23. Хомякова Е. И. Дискурс справедливости современной молодежи: следствие интернет-моды или пробуждение национальной особенности? // *Актуальные проблемы гуманитарных наук: сб. науч. трудов студентов, аспирантов и молодых ученых*. Томск: Томский политехнический университет. 2012. С. 310—313.

REFERENCES

1. Castells M. *The Internet galaxy : reflections on the Internet, business, and society*. Oxford University Press, 2002. 304 p.

2. Castells M., ed. *The Network Society: A Cross-Cultural Perspective*. Northampton, MA, Edward Elgar, 2004.

3. Morris M., Ogan C. The Internet as Mass Medium. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 1996, 1(4). DOI: 10.1111/j.1083-6101.1996.tb00174.x
4. Shilyaeva I. F. [The Internet and the culture of communication of a personality]. *Pedagogicheskii zhurnal Bashkortostana* [Pedagogical magazine of Bashkortostan], 2011, no. 5, pp. 263—273.
5. Jackson L. A., Ervin K. S., Gardner Ph. D., Schmitt N. Gender and the Internet: women communicating and men searching. *Sex roles*, 2001, 44 (5–6), pp. 363—379.
6. Sokolov A. V. [Students at the communication crossroads: the results of sociological surveys]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [News of Saint Petersburg State University of Culture and Art], 2013, no. 4 (17), pp. 54—57.
7. Vorob'eva T. A., Glushkova S. I., Kupko D. A. [Research of the problem of dependence of students of higher education institution on the Internet]. *Filosofskie problemy informatsionnykh tekhnologii i kiberprostranstva* [The Philosophical problems of IT and Cyberspace], 2011, no. 2, pp. 67—73.
8. Shaw L. H., Gant L. M. In defense of the Internet: The relationship communication and depression, loneliness, self-esteem and perceived social support. *CyberPsychology & Behavior*, 2002, 5(2), pp. 157—171.
9. Alexanyan K., Barash V., Etling B., Faris R., Gasser U., Kelly J., Palfrey J., Roberts H. Exploring Russian Cyberspace: Digitally-Mediated Collective Action and the Networked Public Sphere. *Berkman Center Research Publication*, no. 2012-2. URL: <http://ssrn.com/sci-hub.org/abstract=2014998>
10. Grigor'iev A. V. [Sociogenic risks of socialization of youth in the urban environment]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2011, no. 1, pp. 16—21.
11. Tuyakbasarova N. L. [Internet communication as means of formation of valuable orientations of student's personality. Diss. Cand. Soc. Sci.]. Kursk, 2006. 176 c.
12. Obukhov K. N. [Intensity of activation of the students of Udmurt State University in network communication structures]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika* [Bulletin of Udmurt University. Philosophy. Sociology. Pedagogy], 2010, no. 1, pp. 49—54.
13. Mordasova N. A. [Provincial student as Internet user: on the example of research of the students in Tambov Oblast]. *Biblioteki i informatsionnye resursy v sovremennom mire nauki, kul'tury, obrazovaniya i biznesa* [Libraries and information resources in the modern world of science, culture, education and business. Proc. of 11 Int. Conf. "Krym-2014"]. URL: http://www.library.ru/1/sociolog/text/article.php?a_uid=130
14. Yuzhaninova E. R. [Axiosphere Internet and its morphology]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [News of the Orenburg State University], 2013, no. 1 (150), pp. 80—86.
15. Yuzhaninova E. R. [Internet-communication as value of a modern student]. *Sistema tsennostei sovremennogo obshchestva* [Value system of modern society], 2012, no. 25, pp. 159—165.
16. Kravchenko S. [What threatens students on the Internet?]. URL: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document234651.phtml>
17. Tverdnyin P., Cheremisin A. [Priorities of Moscow students in Web space]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia], 2008, no. 9, pp. 79—82.
18. Vatoropin A. S., Vatoropin S. A. [Protesting Internet practices of the studentship in social networks: sociological analysis]. *Voprosy politologii i sotsiologii* [Issues of Political Science and Sociology], 2013, no. 1 (4), pp. 74—78.
19. Moravčík O., Miština J. The Most Recent Needs In Engineering Communication Training At Technical Universities. *Problemi inzhenerno-pedagogichnoi osviti* [Problems of engineering and pedagogical education], 2007, no. 17, pp. 109—119.
20. Mancini A. *Internet justice: philosophy of law for the virtual world*. N.Y., Buenos Books America, 2005. 182 p.

21. Bekbaeva N. R., Mikhailova E. E., Fashchenko A. N. [Internet communications: social and ethical aspect]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [News of the Tver State University. Series: Philosophy], 2013, no. 2. pp. 5—17.

22. Treskinskii A. S. [Value Orientations of the College Youth and Internet Communication]. *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii* [Herald of the Russian Christian Academy for humanities], 2012, 13(4), pp. 258—264.

23. Homyakova E. I. [Discourse of justice of the modern youth: consequence of Internet fashion or awakening of national feature?]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh nauk* [Actual problems of the humanities]. Tomsk, Tomsk Polytechnical University Publ., 2012, pp. 310—313.

© Галенко М. В., Дементьев С. М., Карчагин Е. В., Черникова Ю. А., 2015

*Поступила в редакцию
в феврале 2015 г.*

Ссылка для цитирования: Культура использования сети Интернет в студенческой среде / М. В. Галенко, С. М. Дементьев, Е. В. Карчагин, Ю. А. Черникова // Социология города. 2015. № 1. С. 20—30.

For citation: Galenko M. V., Dement'iev S. M., Karchagin E. V., Chernikova Yu. A. [The culture of the Internet use by students]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2015, no. 1, pp. 20—30.

УДК 504.75.05:616-084

*А. Б. Невинский
Л. В. Крамарь
Г. А. Кантемирова*

**ОЦЕНКА ДИНАМИКИ РОСТА
РЕСПИРАТОРНЫХ
ЗАБОЛЕВАНИЙ У ДЕТЕЙ
НА ФОНЕ НЕБЛАГОПРИЯТНОЙ
ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ
В г. ВОЛГОГРАДЕ**

Проблема острых респираторных заболеваний остается одной из самых актуальных в мире. В статье представлены данные по динамике заболеваемости детского населения болезнями органов дыхания (включая грипп и ОРВИ) в городе Волгограде. Оценка уровней заболеваемости за пятилетний период (2009–2014 гг.) показывает, что количество детей с данной патологией устойчиво увеличивается. Они превышают установленные показатели для Южного федерального округа, что может являться отражением экологического неблагополучия в регионе. Это делает очевидным необходимость разработки качественно новых подходов к системе наблюдения за состоянием воздуха и внедрения в экополитику региона определенных идей, предложений и проектов, связанных с преобразованием технологий производства и утилизацией отходов, направленных на снижение их негативного влияния на окружающую среду.

Ключевые слова:

болезни органов дыхания,
заболеваемость,
дети,
экология.

*A. B. Nevinskiy
L. V. Kramar'
G. A. Kantemirova*

**THE ESTIMATION OF THE
INCREASE OF RESPIRATORY
DISEASE CASES
AMONG CHILDREN
AGAINST THE UNFAVOURABLE
ENVIRONMENTAL SITUATION
IN VOLGOGRAD**

The problem of acute respiratory diseases is still one of the most urgent

Острые респираторные заболевания (ОРЗ) являются наиболее частой патологией детского возраста, составляя до 80 % в структуре общей заболеваемости детей. Ежегодно в России регистрируется около 50 млн случаев ОРВИ и гриппа. Зачастую (до половины случаев) у детей отмечается сочетанная вирусно-бактериальная и/или вирусно-вирусная природа инфекции. Высокий уровень заболеваемости ОРВИ обуславливают большое количество серотипов возбудителей, их изменчивость, способность персистировать, вызывая болезнь при нарушении защитных механизмов организма, несовершенство и нестойкость иммунитета, особенно у детей [1].

Особенно остро эта проблема стоит в крупных промышленных городах и мегаполисах, где центрами Госсанэпиднадзора регистрируется высокий уровень обращаемости в медицинские учреждения не только в осенне-зимний период, но и в течение всего астрономического года. Патогенный характер в данном случае имеют следующие факторы урбанизированной среды:

- 1) экологическая обстановка;
- 2) сложные социально-бытовые условия жизни большей части населения;
- 3) рост аллергизации;
- 4) легкость распространения вирусных возбудителей в городских агломерациях;
- 5) практически полное отсутствие эффективных методов специфической профилактики респираторных вирусных инфекций [2, 3].

Волгоград входит в число 60 городов Российской Федерации, характеризующихся неблагоприятной экологической обстановкой. Это связано, прежде всего, с наличием большого числа промышленных предприятий, увеличивающейся с каждым годом плотностью автомобильного транспорта, состоянием водных и почвенных ресурсов.

Детская популяция является наиболее подверженной неблагоприятному воздействию экополлютантов. Экологические факторы способствуют формированию различных патологических состояний у детей, при этом одним из ранних и чувствительных показателей отрицательного воздействия состояния окружающей среды на детский организм является частота возникновения рецидивирующих болезней органов дыхания

issues in the world. The statistics of the diseases of respiratory system including influenza and acute respiratory viral infections (ARVI) among children living in Volgograd is shown in the article. The estimation of the morbidity rate over a five-year period (2009–2014) confirms that the number of children suffering these diseases is constantly increasing. This rate is higher than the one estimated for the Southern Federal District (SFD) which might be caused by the unfavorable environmental situation in the region. Thus it is obvious that regional authorities should develop a brand new approach to the air monitoring system and implement in the regional environmental policy specific ideas, proposals and projects to modify manufacturing process and waste recycling system for reducing the negative influence on the environment.

Key words:

respiratory disease,
morbidity rate,
children,
ecology.

Об авторах:

Невинский Алексей Борисович — ассистент кафедры детских инфекционных болезней, Волгоградский государственный медицинский университет (ВолГМУ). Российская Федерация, 400131, г. Волгоград, пл. Павших Борцов, 1, ale-nevinskij@yandex.ru

Nevinskiĭ Aleksei Borisovich — Assistant of Children Contagious Disease Department, Volgograd State Medical University, 1, Square of Fallen Soldiers, 400131, Volgograd, Russian Federation, ale-nevinskij@yandex.ru

Крамарь Любовь Васильевна — доктор медицинских наук, профессор, заведующая кафедрой детских инфекционных болезней, Волгоградский государственный медицинский университет (ВолГМУ). Российская Федерация, 400131, г. Волгоград, пл. Павших Борцов, 1, lubov-kramar@yandex.ru

Kramar' Lyubov' Vasil'evna — Doctor of Medical Science, Professor, Head of Children Contagious Disease Department, Volgograd State Medical University, 1, Square of Fallen Soldiers, 400131, Volgograd, Russian Federation, lubov-kramar@yandex.ru

[4, 5]. Так, по данным М. А. Скачковой, относительный риск развития рецидивирующих бронхитов в городах с высоким уровнем антропогенной нагрузки в 3,5 раза выше, чем в городах с удовлетворительной экологической обстановкой [6].

В Российской Федерации болезни органов дыхания стабильно занимают первое место в структуре общей заболеваемости детского населения, составляя около 60 % у детей и 50 % у подростков, являются ведущей причиной временной утраты трудоспособности. В последние годы во всех административных округах наблюдается рост заболеваемости острыми респираторными вирусными инфекциями, рецидивирующими бронхитами, аллергическими болезнями легких, то есть болезнями, объединяемыми в X класс МКБ-10 «Болезни органов дыхания» (БОД) [7].

Цель исследования: оценка динамики заболеваемости болезнями органов дыхания детского населения города Волгограда.

Методы. Для решения поставленной задачи нами были изучены и проанализированы ежегодные информационные бюллетени Управления Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Волгоградской области «Оценка влияния факторов среды обитания на здоровье населения Волгограда по показателям социально-гигиенического мониторинга» за пятилетний период (2009—2013 гг.) и сведения о деятельности стационара ГБУЗ «Волгоградская областная детская клиническая инфекционная больница (ВОДКИБ)» за 2009—2014 гг. включительно (форма № 14).

Изучение структуры заболеваемости детского населения г. Волгограда по отдельным категориям болезней показало, что на протяжении всего изучаемого периода болезни органов дыхания устойчиво занимают первое место. В 2012 г. на их долю приходилось 60,1 % всей обращаемости за медицинской помощью, в 2013 г. — 70,2 %. Среди подростков (дети от 15 до 17 лет) болезни этого класса также стоят на первом месте, но их доля в общей структуре патологических состояний уменьшается за счет роста болезней органов пищеварения, составляя 40,8 % всех обращений в 2013 г.

Кантемирова Галина Андреевна —
кандидат социологических наук,
доцент кафедры психолого-
педагогических и медицинских
проблем социальной работы,
Северо-Осетинский государственный
университет им. К. Л. Хетагурова,
Российская Федерация, РСО-Алания,
362025, г. Владикавказ,
ул. Ватутина, 44-46,
cantem.galina@yandex.ru

Kantemirova Galina Andreevna —
Candidate of Sociological Sciences,
Docent of Psychological, Pedagogical and
Medical Problems of Social Work Department,
North-Osetian State University
named after K. L. Khetagurov,
44-46, Vatutina St., 362025, Vladikavkaz,
RSO-Alaniya, Russian Federation,
cantem.galina@yandex.ru

В структуре заболеваемости детей первого года жизни удельный вес болезней органов дыхания был ниже, чем у детей от 1 года до 14 лет за счет высокой частоты регистрации различных патологических состояний перинатального периода и болезней центральной нервной системы. Однако и в данной возрастной группе они устойчиво занимали первое ранговое место со значением показателя 37,0 %.

На рис. 1 представлены данные по динамике заболеваемости болезнями органов дыхания среди детей и подростков в городе Волгограде.

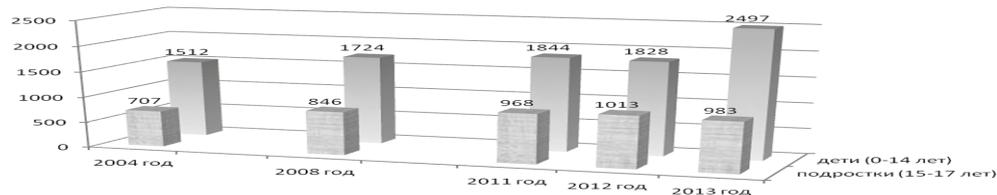
Анализ представленных данных наглядно свидетельствует, что в обеих возрастных категориях отмечается устойчивая динамика роста уровня заболеваемости БОД. Так, по сравнению с 2004 г. она увеличилась в 1,4 раза среди детей до 14 лет и в 1,6 раз — у подростков.

Кроме того, из представленных данных следует, что показатели, установленные для детей первых 14 лет жизни, во все анализируемые периоды были в два раза выше, чем в группе подростков.

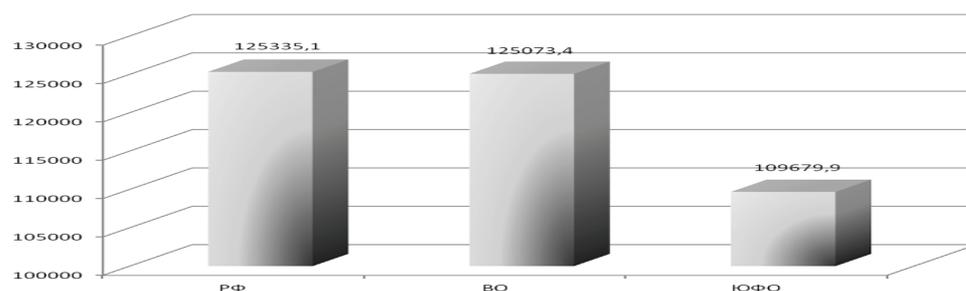
Представляется интересным сравнить уровни заболеваемости БОД в Волгограде и на других территориях Российской Федерации. Полученные данные представлены на рис. 2.

Из данных рис. 2 следует, что уровень БОД в Волгоградской области не имел значимых различий с таковым по РФ в целом, однако превышал показатель, установленный для Южного федерального округа. Учитывая тот факт, что Волгоградская область территориально принадлежит к ЮФО и имеет равнозначные географические и климатические условия, можно предположить наличие на территории области каких-то негативных факторов, влияющих на показатели здоровья детей.

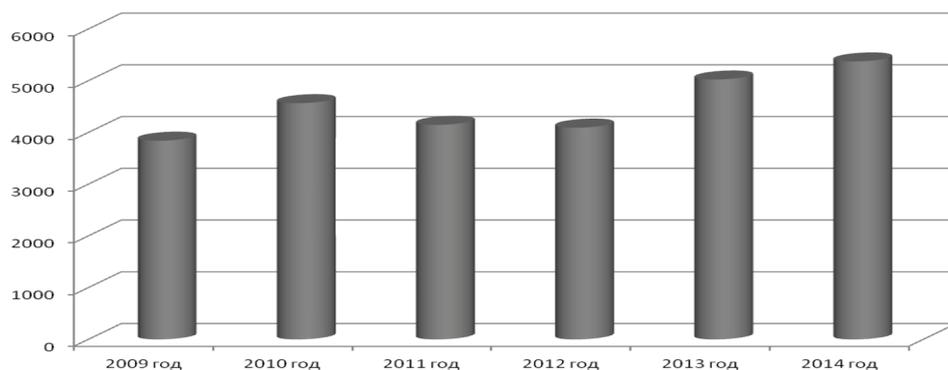
ГБУЗ «ВОДКИБ» является стационаром, оказывающим помощь детям с инфекционной патологией, в том числе с заболеваниями органов дыхания (включая грипп и другие ОРВИ), требующими лечения в условиях стационара. В этой связи представлялось интересным изучить погодную динамику поступления детей на стационарное лечение за период наблюдения. Полученные данные представлены на рис. 3.

Рис. 1. Динамика заболеваемости детского населения болезнями дыхательных путей (включая грипп и ОРВИ) на 1000 человек (по данным ФГУ «ЦНИИИОИЗ» Росздрава)

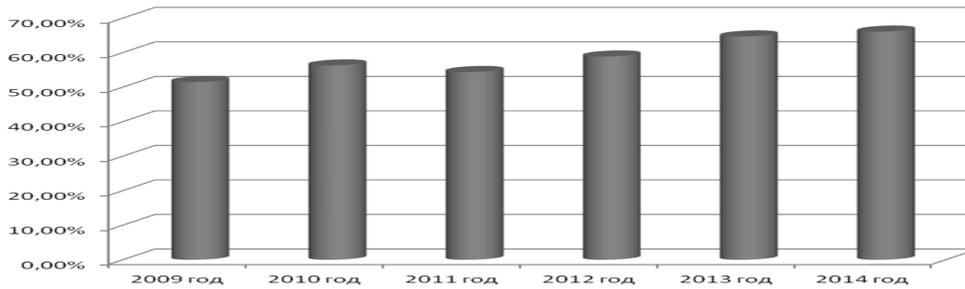
Рис. 2. Заболеваемость детского населения (0–14 лет) болезнями органов дыхания на 100 тыс. человек в 2012 г в Российской Федерации (РФ), Волгоградской области (ВО) и Южном федеральном округе (ЮФО) (по данным ФГУ «ЦНИИИОИЗ» Росздрава)

Рис. 3. Динамика госпитализаций детей с болезнями органов дыхания (включая грипп и ОРВИ) в ГБУЗ «ВОДКИБ»

Анализ полученных данных показывает, что на протяжении изучаемого периода количество госпитализаций по поводу лечения БОД неуклонно возрастало. Было установлено, что количество обращений за медицинской помощью в лечебное учреждение составило: в 2009 г. — 3842, в 2010 г. — 4567, в 2011 г. — 4148, в 2012 г. — 4094, в 2013 г. — 5025 и в 2014 г. — 5374.

Представлялось интересным выяснить вклад данной патологии в годовую структуру госпитализаций детей в инфекционный стационар (см. рис. 4).

Рис. 4. Вклад БОД с структуру госпитализаций детей в ГБУЗ «ВОДКИБ», %

Из рис. 4 следует, что в течение всего анализируемого периода дети с болезнями дыхательных путей составляли более 50 % всех стационарных больных, при этом их количество ежегодно увеличивалось: в 2009 — 51,5 %, в 2010 — 56,3 %, в 2011 — 54,4 %, в 2012 — 58,9 %, в 2013 — 64,7 % и в 2014 — 66,1 %. Интересно отметить, что, начиная с 2012 года, лидирующее место в классе БОД заняли заболевания, шифруемые по МКБ-10 как «другие острые инфекции верхних дыхательных путей множественной локализации» (J06.8), что свидетельствует о системности поражения дыхательных путей.

Таким образом, можно сделать вывод, что количество детей с заболеваниями органов дыхания продолжает увеличиваться. Это говорит о том, что данная патология остается одной из самых актуальных проблем здравоохранения во всем мире. Повторные грипп и ОРВИ способствуют формированию хронических бронхолегочных заболеваний, гайморитов, тонзиллитов, отитов; они могут стать причиной задержки психомоторного и физического развития. Необходимо обратить внимание на проведение ранней эффективной профилактики и лечения заболеваний органов дыхания, что может быть достигнуто, главным образом, путем дальнейшей оптимизации противоэпидемических, профилактических и лечебных мероприятий у детей разных возрастов.

Также становится очевидной необходимость разработки качественно новых подходов к системе наблюдения за состоянием воздуха и внедрения в экополитику нашего региона определенных идей, предложений и проектов, связанных с преобразованием технологий производства и утилизации отходов, направленных на снижение их негативного влияния на окружающую среду [8, 9].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Осидак Л. В., Дринецкий В. П., Цымбалова Л. М. Острые респираторные инфекции у детей и подростков / под ред. Л. В. Осидак. 2-е изд., доп. СПб.: Информ Мед, 2010. 216 с.
2. Маринич И. Г., Карпова Л. С., Смородинцева Е. А. Социальные аспекты эпидемического процесса при гриппе и других острых респираторных заболеваниях в России: Отчет об исследовании. ГУ НИИ РАМН, 2009. 112 с.
3. Седова Н. Н., Кантемирова Г. А., Каплунов К. О. Родители-горожане глазами врачей (на материале городского детского инфекционного стационара). 2014. № 4. С. 45—52.
4. Мейбашиев М. Т. Состояние здоровья детей промышленных городов в связи с загрязнением атмосферного воздуха // Гигиена и санитария. 2008. № 2. С. 31—35.

5. Оценка влияния перинатальных факторов риска и преморбидного фона на предрасположенность детей к острым респираторным заболеваниям в дошкольном периоде жизни» / Ю. О. Хлынина, Л. В. Крамарь, Т. Ю. Ларина, А. Б. Невинский // Волгоградский научно-медицинский журнал. 2014. № 3. С. 25—29.

6. Скачкова М. А. Рецидивирующие болезни органов дыхания у детей в промышленном городе: автореф. дис... д-ра мед. наук. Оренбург, 2004. 25 с.

7. Онищенко Г. Г. Обеспечение санитарно-гигиенического благополучия детского населения России // Гигиена и санитария. 2008. № 2. С. 72—80.

8. Агаджанян Н. А., Волошин А. И., Евстафьев Е. В. Экология человека и концепция выживания. М.: ГОУ ВУНЦМ МЗ РФ, 2001. 240 с.

9. Цыдря Т. Н., Спринчан С. Л. К вопросу о необходимости обоснования политической биоэтики // Биоэтика. 2014. № 2. С. 13—17.

REFERENCES

1. Osidak L. V., Drinevskii V. P., Tsymbalova L. M. *Ostrye respiratornye infektsii u detei i podrostkov* [Acute respiratory infections among children and teenagers]. St. Petersburg, Inform Med Publ., 2010. 216 p.

2. Marinich I. G., Karpova L. S., Smorodintseva E. A. *Sotsial'nye aspekty epidemicheskogo protsessa pri grippe i drugikh ostrykh respiratornykh zabolevaniyakh v Rossii: Otchet ob issledovanii* [Social aspects of epidemic process at flu and other acute respiratory diseases in Russia: Report on research]. SI RD RAMS Publ., 2009. 112 p.

3. Sedova N. N., Kantemirova G. A., Kaplunov K. O. Parents-citizens through the eyes of doctors (on the material of the municipal children's infectious hospital). *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2014, no. 4, pp. 45—52.

4. Meibaliyev M. T. [The health status of children from industrial towns due ambient air pollution]. *Gigiena i Sanitariya* [Hygiene and sanitary], 2008, no. 2, pp. 31—35.

5. Hlynina Yu. O., Kramar' L. V., Larina T. Yu., Nevinskii A. B. [Assessing the impact of perinatal risk factors and premorbid condition on the predisposition of children to acute respiratory infections in the preschool period of life]. *Volgogradskii nauchno-meditsinskii zhurnal* [Volgograd scientific and medical magazine], 2014, no. 3, pp. 25—29.

6. Skachkova M. A. *Retsidiviruyushchie bolezni organov dykhaniya u detei v promyshlennom gorode* [Recidivating diseases of respiratory system among children in the industrial city. Diss. Dr. Med. Sci.]. Orenburg, 2004. 25 p.

7. Onishchenko G. G. [Provision of Russia's pediatric population with sanitary-and-epidemiological well-being]. *Gigiena i Sanitariya* [Hygiene and Sanitation], 2008, no. 2, pp. 72—80.

8. Agadzhanyan N. A., Voloshin A. I., Evstaf'ev E. V. *Ekologiya cheloveka i kontseptsiya vyzhivaniya* [Human ecology and survival conception]. Moscow, SEI ARESMC MHC RF, 2001. 240 p.

9. Tsydrya T. N., Sprinchan S. L. [On the question of necessity of substantiation of political bioethics]. *Bioetika* [Bioethics], 2014, no. 2, pp. 13—17.

© Невинский А. Б., Крамарь Л. В., Кантемирова Г. А., 2015

Поступила в редакцию
в феврале 2015 г.

Ссылка для цитирования: Невинский А. Б., Крамарь Л. В., Кантемирова Г. А. Оценка динамики роста респираторных заболеваний у детей на фоне неблагоприятной экологической обстановки в г. Волгограде // Социология города. 2015. № 1. С. 31—36.

For citation: Nevinskii A. B., Kramar' L. V., Kantemirova G. A. [The estimation of the increase of respiratory disease cases among children against the unfavourable environmental situation in Volgograd]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2015, no. 1, pp. 31—36.

УДК
616.089.819.843:616.314(1-21)

Р. А. Аванесян

ГОРОЖАНЕ КАК ПОТРЕБИТЕЛИ УСЛУГ ДЕНТАЛЬНОЙ ИМПЛАНТОЛОГИИ

Прогрессивный метод ортопедического лечения в стоматологии — дентальная имплантология — является специфическим видом медицинских услуг, который существует только в городах. Его предоставляют как государственные, так и частные медицинские учреждения. Основной проблемой для городских жителей является не столько качество этой услуги, сколько ее ценовая доступность. Кто может позволить себе дентальную имплантацию и по каким мотивам горожане прибегают к этому дорогостоящему методу лечения? Какие клиники они предпочитают — частные или государственные? Как оценивают качество предоставления данной услуги? Ответы на эти вопросы были получены автором статьи в ходе социологического исследования в г. Ставрополе.

Ключевые слова:

имплантология,
государственная стоматологическая
поликлиника,
частная стоматологическая клиника,
доступность стоматологической услуги,
пациент,
врач стоматолог-ортопед.

R. A. Avanesyan

CITIZENS AS CONSUMERS OF DENTAL IMPLANTOLOGY

Dental implants is a progressive method of orthopedic treatment in dentistry. It is a specific type of care that exists only in the cities. It is available through both public and private medical clinics. The main challenge for urban residents is not so much the quality of the service, as its affordability. Who can afford dental implants and why do citizens have recourse to this costly method of treatment? What clinic do they prefer: private or public? How do they evaluate the quality of this service? The answers to these questions were obtained by the

В последние годы спрос на стоматологические услуги в нашей стране значительно вырос [1, 2]. Согласно данным некоторых эпидемиологических исследований, фактическая потребность населения в имплантологической и ортопедической стоматологической помощи выросла еще больше¹. Если, по данным А. В. Алимского, в 1990-х годах до 40 % населения старше 40 лет нуждались в подобной помощи, то сегодня эта цифра возросла до 90 %. В настоящее время дентальная имплантология — наиболее динамично развивающаяся отрасль стоматологии, которая всегда относилась и относится к числу платных видов медицинского обслуживания населения, причем удовлетворение спроса на данный вид помощи находится в границах реальных финансовых возможностей населения [4]. Особенно это актуально в регионах с низким и средним уровнем доходов населения, к которым относится и Ставропольский край.

Принципиальной особенностью развития дентальной имплантологии является ее сугубо «городской» характер: соответствующие манипуляции могут позволить себе только хорошо оснащенные медицинским оборудованием и обеспеченные квалифицированными кадрами учреждения крупных городов [5]. В основном это региональные центры. В них сегодня дентальная имплантология широко представлена как в частном секторе рынка услуг, так и на уровне государственных, в том числе и муниципальных стоматологических учреждений. Качество оказываемой помощи различно: сказывается высокая финансовая емкость рынка и желание врача-стоматолога максимально расширить диапазон использования дентальных имплантатов [6].

В целях совершенствования современной стоматологической имплантологической помощи населению актуальной *задачей* является изучение социального аспекта данной проблемы, а именно платежеспособного спроса городского населения на имплантологические услуги, предпочтения частных или государственных стоматологических учреждений.

В соответствии с целью настоящего исследования выработан специальный *методический*

¹ Альтернативные системы стоматологического обслуживания: доклад Комитета экспертов ВОЗ. Женева, 2008. 62 с.

author in the course of sociological research in Stavropol. The research was carried out in public and private clinics with the help of the poll. The number of respondents corresponds to the minimum quantity recommended by WHO for epidemiological and sociological researches.

The materials of the research allow to come to the conclusion that age and sexual structure of negotiability of urban population to public and private institutions for implant dental service has both similarities and differences connected generally with non-uniform social position of clients and the level of their income. Mainly persons at the age of 30–39 and 40–49, among whom there are twice more women than men, need implant dental care. The social structure of the clients of the specified institutions differs considerably. Thus, generally employees and retired people choose public clinic, whereas businessmen and also employees but with a higher level of income choose private clinics. The dominant factor of negotiability regardless of the type of establishment is quality of provided dental help.

Key words:

implantology,
public dental clinic,
private dental clinic,
availability of dental service,
patient,
orthopedist.

Об авторе:

Аванесян Рузанна Артуровна –
кандидат медицинских наук,
доцент кафедры стоматологии, Ставро-
польский государственный медицин-
ский университет.
Российская Федерация,
г. Ставрополь, ул. Мира, 310,
sergejsirak@yandex.ru

Avanesyan Ruzanna Arturovna –
Candidate of Medical Science,
Docent of Dentistry Department,
Stavropol State Medical University.
310, Mira Street,
Stavropol, Russian Federation,
sergejsirak@yandex.ru

подход для поиска решения поставленной про-
блемы. Суть его заключается в том, что было за-
планировано проведение социологических ис-
следований одновременно в двух стоматологи-
ческих учреждений разного вида собственности
(государственного и частного). В результате раз-
работаны две специальные социологические ан-
кеты, которые предлагали заполнить пациентам,
обращающимся за имплантологической помощью
в городскую стоматологическую поликлинику
№ 1 г. Ставрополя (ГСП-1), и пациентам, обра-
щающимся за подобной стоматологической по-
мощью в коммерческую структуру — ООО НПО
«Аполония» г. Ставрополя.

Первая анкета содержала следующие раз-
делы: пол, возраст пациента, его образование,
профессию. В ней также отражался уровень до-
хода респондентов, обращаемость ранее за им-
плантологической помощью, время обращения и
название учреждения. При этом определяли объ-
ем оказанной имплантологической помощи. Вы-
ясняли, как респонденты оценивали эффек-
тивность ранее проведенного им имплантологи-
ческого лечения в данном конкретном типе сто-
матологического учреждения, были ли они
удовлетворены комплексом лечебных мероприя-
тий. При этом дифференцированно устанавлива-
лось качество косметической и функциональной
эффективности проведенного лечения. Одно-
временно с этим уточнялся срок функциониро-
вания протетических конструкций на денталь-
ных имплантатах, нуждаются ли изготовленные
ранее зубные протезы, установленные на ден-
тальные имплантаты, в замене, и если да, то ка-
кие именно. Выясняли, поддерживали ли паци-
енты необходимый уровень гигиены полости рта
после проведения операции дентальной имплан-
тации с последующим протезированием и как
регулярно посещали врача-стоматолога для
профилактических осмотров.

Важнейший раздел анкеты был посвящен
выяснению мотивационных предпосылок обра-
щаемости респондентов за имплантологической
помощью в государственное учреждение. При
этом давалось несколько вариантов ответов, а
именно:

- «высокое качество лечения, протезирования»;
- «престижное учреждение»;

- «высококвалифицированный персонал»;

- «современное оборудование и оснащение».

Кроме того, респонденту предоставлялась возможность не только подчеркнуть нужный, по его мнению, ответ, но и дать свой.

Заключительные разделы анкеты были посвящены оценке респондентами прейскуранта цен на имплантологические стоматологические услуги, а также им предоставлялась возможность высказать свои предложения по совершенствованию организации имплантологической стоматологической помощи в данном стоматологическом учреждении.

Всего по данной анкете проинтервьюировано 232 пациента в возрасте от 20 до 60 лет и старше в течение 2011—2013 гг.

Вторая анкета была направлена на изучение обращаемости населения за имплантологической стоматологической помощью в коммерческую структуру. Она, так же как и первая, содержала анкетные данные каждого конкретного респондента, отражала его социальное положение, уровень дохода. Важнейший раздел анкеты касался оценки мотивационных предпосылок обращаемости респондентов в данную коммерческую структуру.

При этом предлагалось несколько вариантов ответов:

- «высокое качество обслуживания»,
- «современное оборудование и оснащение»,
- «высокая квалификация персонал»,
- «малые сроки протезирования»,
- «отсутствие очереди»,
- «хороший сервис».

В свободной графе респондентам предлагали отразить возможное другое мнение и предложения.

Респондентов просили также оценить уровень цен в данном конкретном учреждении и их приемлемость. Кроме того, выясняли, где пациент ранее получал имплантологическую стоматологическую помощь (в районной поликлинике либо в частной структуре). При этом респонденты отвечали на вопрос, как они оценивают качество ранее оказанной им имплантологической помощи. Выяснялось значение для пациентов территориального расположения лечебного учреждения, а также источники информации об оказываемых в нем услугах. В ходе анкетирования выяснялись данные о предыдущих протезированиях в данной клинике и оценка их результатов. Респондентам предлагалось высказать свои пожелания и предложения по совершенствованию оказания имплантологической стоматологической помощи в данной клинике.

Всего по данной анкете в 2011—2013 гг. было опрошено 200 респондентов в возрасте от 20 до 60 лет и старше, обратившихся за имплантологической стоматологической помощью в коммерческую клинику ООО НПО «Аполония» г. Ставрополя.

В обеих организациях проинтервьюировано 432 пациента, примерно в равном соотношении. Число обследованных соответствовало минимальному необходимому количеству респондентов, рекомендуемому ВОЗ (2008) для эпидемиологических и социологических исследований подобного рода.

Полученный фактический экспериментальный материал обработан методами вариационной статистики с получением средних величин и ошибок к ним ($M \pm m$) с использованием пакета программ медицинской статистики Microsoft Excel. Сравнение статистических показателей и выявление достоверности имеющихся различий или их несущественность осуществляли по

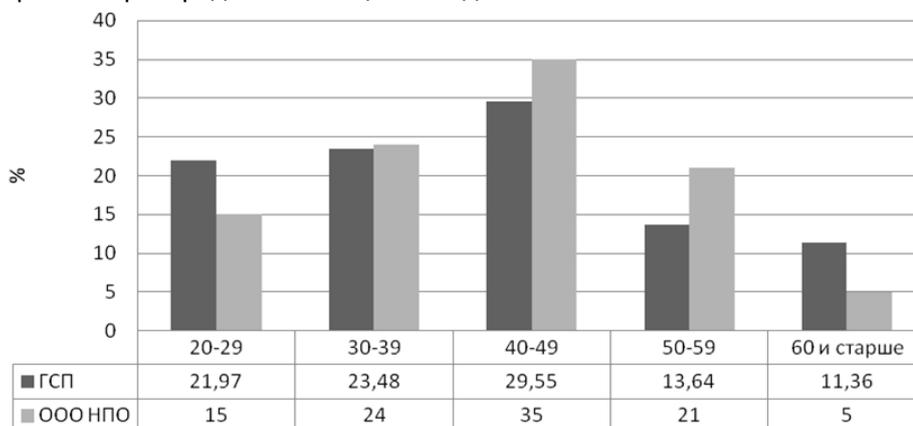
критерию согласия t Стьюдента. Различия считали достоверными при величине $t > 2,0$. После проведения анализа всех анкет выявили характерный возрастной состав обследованных респондентов (табл. 1).

Таблица 1. Возрастная структура пациентов, обследованных в ГСП-1 и частной стоматологической клинике (абс. и в % к числу обследованных)

Возраст, годы	Место обследования				Всего	
	ГСП-1		ООО НПО «Аполония»		Абс.	%
	Абс.	%	Абс.	%		
20—29	49	21,97	35	15,0	84	18,97
30—39	51	23,48	44	24,0	95	23,71
40—49	59	29,55	55	35,0	114	31,90
50—59	38	13,64	41	21,0	79	16,81
60 и старше	35	11,36	25	5,0	60	8,62
Всего	232	100,0	200	100	432	100,0

Исследование показало, что в государственную стоматологическую поликлинику (ГСП-1) наиболее часто обращаются лица в возрасте 40—49 лет (29,6 %). Пациенты более молодого возраста составляли немного меньшую величину: 20—29 лет — 22,2 % и 30—39 лет — 23,6 %. Наименьший удельный вес имели возрастные группы старше 50 лет: 13,6 % — в возрасте 50—59 лет и 11,4 % — 60 лет и старше. В негосударственную клинику также чаще всего обращаются лица в возрасте 40—49 лет (35 %), реже всего — пациенты в возрасте 60 лет и старше (5 %). Но объемы одновозрастных групп различны, что хорошо видно на диаграмме.

Возрастное распределение пациентов дентальной имплантологии ГСП и НПО

Важное значение для характеристики респондентов, обратившихся за имплантологической стоматологической помощью в ГСП-1, имеет распределение их по полу (табл. 2). Как установлено, женщины в 2 раза чаще обращаются за имплантологической помощью, чем мужчины: соответственно 66,1 и 33,9 %.

Таблица 2. Распределение респондентов, обратившихся в ГСП-1 за имплантологической стоматологической помощью, по полу (%; $M \pm m$)

Пол	Возраст, годы					В среднем
	20–29	30–39	40–49	50–59	60 и старше	
Мужской	55,2	32,3	38,5	16,7	26,7	33,88±4,11
Женский	44,8	67,7	61,5	83,3	73,3	66,12±4,11

Было выявлено также существенное преимущество среди пациентов ГСП людей с высшим образованием. Но наиболее интересны были показатели материального уровня обеспеченности пациентов, обращающихся за имплантологической помощью, поскольку эта услуга относится к числу наиболее дорогостоящих стоматологических услуг. Информация о состоянии платежеспособности пациентов ГСП отражена в табл. 3.

Таблица 3. Распределение респондентов, обратившихся в ГСП-1 за имплантологической стоматологической помощью, по уровню дохода (%; $M \pm m$)

Уровень дохода	Возраст, годы					В среднем
	20–29	30–39	40–49	50–59	60 и старше	
Высокий	3,5	—	5,1	—	—	1,72±1,13
Средний	48,3	71,1	71,8	72,2	40,3	60,66±4,25
Низкий	17,2	12,9	15,4	11,1	40,2	19,32±3,43
Затруднились ответить	31,1	16,1	7,7	16,7	20,1	18,30±3,36

Как установлено, большинство из опрошенных (60,7 %) имели средний уровень доходов. Высокий уровень доходов среди респондентов, обращающихся в ГСП-1, имели лишь 1,7 % обследованных.

Выявлено, что в большинстве пациенты положительно относятся к оценке косметической эффективности ранее оказанной им имплантологической стоматологической помощи в муниципальных поликлиниках. В среднем 61,3 % из них дали положительные оценки этому показателю. Между тем довольно значительное число (24 %) отрицательно оценили косметическую эффективность установленных им имплантатов и протетических конструкций, а 14,7 % лиц затруднились с ответом.

Необходимо отметить, что наихудшие показатели в этом отношении были отмечены респондентами по районным поликлиникам. Положительную оценку дали в среднем 21,1 % респондентов, а 24,3 % лиц дали отрицательную оценку косметической эффективности ранее проведенного там имплантологического лечения. При этом значительное число респондентов (54,6 %) вообще затруднились с ответом.

Что касается частных структур, то там с косметической эффективностью ранее проведенных имплантологических стоматологических мероприятиями ситуация лучше. Так, положительно оценили ее 45,2 % респондентов, а 18,6 % — отрицательно. При этом затруднились с ответом 36,2 % респондентов.

Высокие показатели косметической эффективности ранее проведенного имплантологического и ортопедического лечения отмечены респондентами,

лечившимися в ГСП-1. Так, положительные оценки были получены от 92 % респондентов, и лишь 2 % из них дали отрицательные оценки при 6 % затруднившихся с ответом.

Аналогичная ситуация наблюдается и при характеристике респондентами функциональной эффективности ранее установленных им имплантологических конструкций в частных стоматологических учреждениях. Наихудшие показатели в этом отношении также выявлены в районных поликлиниках. Так, положительно проведение лечебных мероприятий оценили 23,7 % респондентов, а отрицательно — 25,4 % при 50,9 % затруднившихся с ответом.

Весьма негативно пациенты оценивали функциональную эффективность ранее изготовленных им протетических конструкций, установленных на дентальные имплантаты, в частных структурах. Так, положительно оценили ее лишь 19,5 % респондентов, а отрицательно — 38,1 % при 42,4 % затруднившихся с ответом.

На этом фоне весьма выгодно отличаются ответы респондентов, ранее получивших имплантологическое лечение в ГСП-1. Абсолютное большинство из них (85,3 %) дали положительные оценки функциональной эффективности установленных дентальных имплантатов и ранее изготовленным им протетическим конструкциям.

Важнейшей задачей исследования явилось изучение мотивационных предпосылок обращаемости респондентов за имплантологической стоматологической помощью именно в ГСП-1 (табл. 4).

Таблица 4. Мотивация респондентов, обращающихся за имплантологической стоматологической помощью в ГСП-1 (в %; M±m)

Мотивы	Возраст, годы					В среднем
	20–29	30–39	40–49	50–59	60 и старше	
Высокое качество лечения	13,8	19,4	10,3	5,6	13,3	12,48±2,87
Престижное учреждение	10,3	9,7	5,1	27,8	—	10,58±2,67
Высококвалифицированный персонал	10,3	19,4	20,5	22,2	20,0	18,48±3,37
Современное оборудование и оснащение	6,9	3,2	2,6	—	—	2,54±1,37
Все вместе	44,8	35,5	41,0	16,7	66,7	40,94±4,28
По рекомендации	6,9	6,5	12,8	11,1	—	7,47±2,28
Месторасположение	—	3,2	—	—	—	0,64±0,64
Умеренные цены	—	3,2	—	—	—	0,64±0,64
Доверие	—	—	—	11,1	—	2,22±1,28
Не ответили	6,9	—	7,7	5,6	0	4,04±1,71

Таким образом, основным побудительным мотивом воспользоваться услугами данного медицинского учреждения является высокое качество проводимого в поликлинике имплантологического лечения (12,5 % ответов), престижность учреждения — 10,6 %, наличие высококвалифицированного персонала — 18,5 %, современного оборудования и оснащения — 2,5 %.

При этом следует отметить, что большинство респондентов (40,9 %) считали, что для них важными являются одновременно все вышеперечисленные позиции. В результате основной мотивацией обращаемости в ГСП-1 свыше 85 % респондентов является высокое качество оказываемой имплантологической стоматологической помощи. Все другие показатели, такие как месторасположение поликлиники, наличие умеренных цен, доверие к врачам и так далее, не играли решающей роли при выборе стоматологического учреждения.

Определенное значение для понимания уровня обращаемости пациентов в ГСП-1 имеет изучение их мнения относительно существующих в поликлинике цен на имплантологические услуги. Большинство из опрошенных (36,9 %) считают их высокими. Средними цены считают 29,7 % респондентов при примерно таком же числе лиц (32,2 %), затруднившихся с ответом. Полученные данные практически полностью коррелируют с уровнем дохода респондентов, обращающихся в ГСП-1.

При этом сравнение выявленных в ГСП-1 показателей с данными, полученными в быстро развивающихся за последние годы частных стоматологических клиниках, имеет важное значение. Для этого по примерно аналогичной программе проведено изучение мнения респондентов, обратившихся за имплантологическим лечением в коммерческую клинику ООО НПО «Аполония».

Наибольший удельный вес в структуре обратившихся в НПО составляют служащие (44,9 %), на втором месте (21,3 %) — предприниматели. Максимальные показатели отмечали в возрастных группах 30—39 лет (41,7 %) и 40—49 лет (37,1 %). Доля предпринимателей в возрасте 50—59 лет также составляла довольно значительную величину — 14,3 %. Другие категории населения, такие как рабочие (4,1 %) и учащиеся (6,7 %), имели весьма незначительный удельный вес. Безусловно, это связано, в первую очередь, с невысоким уровнем их доходов, не позволяющим обращаться за дорогостоящей имплантологической стоматологической помощью в коммерческие структуры. О том, что именно уровень доходов является определяющим в выборе стоматологического учреждения, свидетельствуют данные, приведенные в табл. 5.

Таблица 5. Распределение респондентов, обратившихся в ООО НПО «Аполония» за имплантологической стоматологической помощью, по уровню дохода (%; $M \pm m$)

Уровень дохода	Возраст, годы					В среднем
	20–29	30–39	40–49	50–59	60 и старше	
Высокий	20,0	4,2	31,4	14,3	20,0	17,98±3,84
Средний	20,0	66,7	54,3	57,1	20,0	43,62±4,95
Низкий	26,7	4,2	5,7	14,3	40,0	18,18±3,85
Затруднились с ответом	33,3	25,0	8,6	14,3	20,0	20,24±4,01

Из таблицы видно, что высокий уровень дохода установлен практически у 18 % обследованных респондентов, что более чем в 10 раз превышает долю таковых, обратившихся в ГСП-1. Ниже доля пациентов, имеющих средний уровень дохода (43,6 %).

Необходимо отметить, что лица с низким уровнем дохода все же обращаются в коммерческие структуры за получением имплантологической стоматологической помощи. В то же время 44,8 % респондентов в среднем признали цены на имплантологические услуги в данной коммерческой клинике высокими: удельный вес лиц, посчитавших их средними, составил 29,8 %, но для большинства из них (67,6 % в среднем) цены оказались приемлемыми.

В ходе исследования установлено, что основополагающим фактором обращаемости в негосударственную структуру, по мнению респондентов, прежде всего является уровень и хорошее качество оказываемой имплантологической стоматологической помощи. При этом необходимо было выявить, из каких источников респонденты получили информацию именно о данной коммерческой клинике г. Ставрополя. Как установлено, основными источниками подобных сведений являлись родственники (26,8 % ответов респондентов) и знакомые — 34,3 %. В сумме два эти показателя превысили 60 %. Это убедительно свидетельствует о том, что ранее оказанная на высоком уровне качественная имплантологическая стоматологическая помощь является лучшей рекламой для любого учреждения вне зависимости от формы его собственности.

Довольно значительное число респондентов (28,2 %) решили по собственной инициативе обратиться в данную клинику, и только 8,3 % из них узнали о ней из рекламы. Исследование показало, что реклама сама по себе, в чистом виде, привлекает не более 8—10 % обращающихся за имплантологической помощью.

Важное значение для характеристики обращаемости именно в данную клинику имело выяснение мнения респондентов относительно качества ранее оказанной им имплантологической стоматологической помощи в районных поликлиниках и в частных структурах. Невысокое ее качество отмечали, прежде всего, в районных поликлиниках. Большинство опрошенных (36,8 %) оценили ее как неудовлетворительную. Удовлетворительные оценки дали 31,1 % респондентов, хорошие — 17,2 % и высокие только 4 % обследованных респондентов при 10,9 % затруднившихся с ответом.

Немного лучше обстоит дело с оценками респондентов качества ранее оказанной им имплантологической стоматологической помощи в частных клиниках. Так, неудовлетворительные оценки дали лишь 12,4 % респондентов, удовлетворительные — 26,6 %, хорошие — 34,6 % и отличные — 17,1 %. Безусловно, это значительно выше того, как респонденты оценили качество ранее оказанной им имплантологической помощи в районных стоматологических поликлиниках, однако этого, по-видимому, явно недостаточно для повторного обращения в эти учреждения. Вполне очевидно, что именно это и послужило основным отправным моментом обращаемости респондентов за имплантологической стоматологической помощью в изучаемую клинику ООО НПО «Аполония».

По материалам исследования можно сделать вывод, что возрастная и половая структура обращаемости городского населения в государственные и частные учреждения за имплантологической стоматологической помощью имеет как сходства, так и различия, связанные, в основном, с неоднородным социальным составом обратившихся и уровнем их доходов. В имплантологической стоматологической помощи преимущественно нуждаются лица в воз-

расте 30—39 и 40—49 лет, среди которых женщин в 2 раза больше, чем мужчин. Необходимо отметить, что и социальный состав обращающегося населения в указанные учреждения отличается значительно: так, в ГСП-1 обращаются, в основном, служащие и пенсионеры, в коммерческую структуру — предприниматели, а также служащие, но с более высоким уровнем дохода. Ведущим фактором обращаемости вне зависимости от типа учреждения является качество оказываемой в нем стоматологической помощи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Михальченко Д. В., Фирсова И. В., Седова Н. Н. Социологический портрет медицинской услуги. Волгоград: ВолгГМУ, 2011. 140 с.
2. Михальченко Д. В. Этика потребления медицинских услуг // Биоэтика. 2010. № 2. С. 46—47.
3. Стоматологическая заболеваемость детского населения Ставропольского края до и после внедрения программы профилактики / С. В. Сирак, И. А. Шаповалова, Е. М. Максимова, С. Н. Пригодин // Стоматология детского возраста и профилактика. 2009. № 1. С. 64—66.
4. Михальченко Д. В., Засядка Е. В. Этические риски во взаимоотношениях врача-стоматолога и пациента // Биоэтика. 2011. № 2. С. 42—45.
5. Седова Н. Н., Дмитриенко С. В. Ваш бизнес — стоматология. М.: НГМА, 2001. 112 с.
6. Седова Н. Н., Варгина С. А. Социология стоматологии: штрихи к портрету. М.: Триумф, 2008. 140 с.

REFERENCES

1. Mikhalchenko D. V., Firsova I. V., Sedova N. N. *Sotsiologicheskii portret meditsinskoi uslugi* [Sociological Portrait of Medical Service]. Volgograd, VolgSMU Publ., 2011. 140 p.
2. Mihal'chenko D. V. [Ethics of consumption of medical services]. *Bioetika* [Bioethics], 2010, no. 2, pp. 46—47.
3. Sirak S. V., Shapovalova I. A., Maksimova E. M., Prigodin S. N. [Dental diseases of childish population in Stavropol Kray before and after introduction of prevention programme]. *Stomatologiya detskogo vozrasta i profilaktika* [Childish dentistry and prevention], 2009, no. 1, pp. 64—66.
4. Mikhal'chenko D. V., Zasyadka E. V. [Ethical issues surrounding dentist-patient relationships]. *Bioetika* [Bioethics], 2011, no. 2, pp. 42—45.
5. Sedova N. N., Dmitrienko S. V. *Vash biznes — stomatologiya* [Your Business — Dentistry]. Moscow, NGMA Publ., 2001. 112 p.
6. Sedova N. N., Vargina S. A. *Sotsiologiya stomatologii: shtrikhi k portretu* [Sociology of Dentistry: Strokes to a Portrait]. Moscow, Triumph Publ., 2008. 140 p.

© Аванесян Р. А., 2015

Поступила в редакцию
в январе 2015 г.

Ссылка для цитирования: Аванесян Р. А. Горожане как потребители услуг дентальной имплантологии // Социология города. 2015. № 1. С. 37—45.

For citation: Avanesyan R. A. [Citizens as consumers of dental implantology]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2015, no. 1, pp. 37—45. (In Russ.).

УДК 81.272

*Р. Л. Ковалевский,
О. Н. Демушина*

**О КОММУНИКАТИВНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ ВОЛГОГРАДА**

В представленной статье рассмотрены некоторые аспекты и характеристики разговорно-бытового дискурса в коммуникативном пространстве Волгограда. Проведен анализ их зависимости от экстралингвистических факторов, который наряду с результатами социологического опроса студентов Волгограда лег в основу исследования структуры и особенностей коммуникативного пространства Волгограда на примере одной из категорий его субъектов — студенческой молодежи.

Ключевые слова:

коммуникативное пространство,
идиом,
диалект,
социолект,
дискурс,
метакоммуникация,
языковая политика.

*R. L. Kovalevskii,
O. N. Demushina*

**ABOUT COMMUNICATIVE
SPACE OF VOLGOGRAD**

Any communication takes place within a certain discourse. The discourse characteristics of communication can be influenced by spatial factors, for example, by prevalence of some idiom in a certain region. The analysis of these characteristics can be important for a successful implementation of language politics in our country. The purpose of the study is to analyze some aspects and characteristics of informal spoken discourse in the communicative space of Volgograd. The methods of observation and questionnaire survey were adapted for the initial data collection.

The authors researched peculiarities of communication in some

Городское пространство, как и любое другое, имеет, кроме физических, еще ряд виртуальных измерений, придающих городу определенное своеобразие, влияющих на его восприятие и оценку. «Современный город... оказывается той средой, в которой социальная и культурная виртуализация достигают максимума, проявляют себя с особой силой... Образ города обладает особой “потенциальной” составляющей, которую можно определить как “виртуальный образ”. Актуализация этого образа есть обретение “чувственной формы”» [1]. К таким виртуальным образам можно отнести эстетическое и этическое измерения городского пространства. Первое актуализируется архитектурными, планировочными, цветовыми решениями, ухоженностью улиц и дворовых пространств, зеленых насаждений и пр., формирующими его эстетические характеристики. Этическое измерение формируется в основном за счет поведения его жителей на улице, в транспорте, в других общественных местах и, в частности, — их коммуникативным поведением.

Городские пространства наполнены не только звуками человеческой речи на разных языках, диалектах, социолектах, но и характеризуются другими дискурсивными различиями — манерой речевого общения, степенью экспрессивности и реализации принципа вежливости, сопровождающей общение жестикულიацией и пр.

Изучение коммуникации в рамках определенных лингвокультурных ареалов ориентировано на выяснение языковой ситуации, т. е. коммуникативного статуса и форм существования (идиомов)¹ одного языка или совокупности нескольких разных взаимодействующих друг с другом языков в пределах одного коммуникативного пространства. Оно имеет многоаспектный характер как по своей социокультурной обусловленности, так и по прагматическим целям, ориентированным на формирование языковой политики государства, воспитание культуры общения его граждан, определение количественных нормативов и содержания преподавания языков в школе и вузах и др.

¹ Идиом — обобщающий термин для естественно-языковой знаковой системы; объединяет понятия «язык», «диалект», «говор», «социолект» и др.

linguocultural areas. The concept "communication space" is clarified. The authors understand under this term "spatial cultural and lingual area with a certain number and structure of used idioms". The extralinguistic factors that influence discourse characteristics of communication space in Volgograd were revealed such as homogeneity of the ethnic structure, demographic situation caused by historic events in the territory of the region, education level of the population. The results of the conducted questionnaire survey underlie the research of structure and peculiarities of the communicative space in the city of Volgograd on the example of students as one of the subjects of communicative space.

Key words:

communicative space,
idiom,
dialect,
sociolect,
discourse,
metacommunication,
language politics.

Об авторах:

Ковалевский Ростислав Леонидович – кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Волгоградский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Российская Федерация, 400131, г. Волгоград, ул. Гагарина, 8, rkovalevskij@gmail.com

Kovalevskij Rostislav Leonidovich – Candidate of Philological Science, Professor, Professor of Linguistic and International Communication Department, Volgograd Affiliate of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 8, Gagarina St., 400131, Volgograd, Russian Federation, rkovalevskij@gmail.com

Важность формирования и реализации языковой политики, адекватной потребностям сообществ отдельных ареалов, подтверждается многочисленными конфликтами на языковой почве в истории многих стран, например Индии, Канады и др., а также кровавым противостоянием на юго-востоке Украины в наши дни.

Изучение коммуникации в ареалах, входящих в состав одного государства, но отличающихся специфической историей, например, таких как Крым, Юго-Восточная и Закарпатская Украина или новые федеральные земли ФРГ (территории бывшей ГДР), может иметь своей целью разработку рекомендаций по политической и культурной интеграции населения этих регионов. Прагматичные немцы уделяют этому вопросу должное внимание, о чем могут свидетельствовать, например, такие проекты, как «Region in Aktion — Kommunikation im ländlichen Raum», реализуемый Й. Штеммлером (Staemmler) при поддержке фонда Amadeu Antonio Stiftung [2]. Задачи проекта — «улучшить коммуникацию» между гражданами, гражданами и политиками, гражданами и средствами массовой информации. Востребованность проекта подобного рода возникла в связи с трудностями интеграции населения бывшей ГДР в политическое пространство ФРГ, повлекшими за собой обезлюживание сельской местности, рост праворадикальных настроений среди молодежи и прочие негативные тенденции.

На интеграционную функцию языка указывали Ю. Хабермас и Т. Лукман, говоря о том, что язык функционирует не только как средство взаимопонимания и передачи культурного знания, но и как средство социализации и социальной интеграции [3, с. 42—43; 4]. Наглядным примером реализации этой функции могут служить социальная и частично политическая интеграция «русскоязычного населения» на постсоветском пространстве стран Балтии.

В теории коммуникации выделяются 5 аксиом. Обратим внимание на две из них:

- не вступать в коммуникацию невозможно;
- каждая коммуникация включает содержательный аспект и аспект отношений так, что последний систематизирует первый и, следовательно, является метакоммуникацией [5].

Демушина Ольга Николаевна –
кандидат социологических наук,
доцент кафедры лингвистики
и межкультурной коммуникации,
Волгоградский филиал
Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации.
Российская Федерация, 400131,
г. Волгоград, ул. Гагарина, 8,
Olga-demushina@yandex.ru

Demushina Olga Nikolaevna –
Candidate of Sociological Science,
Docent of Linguistic and International
Communication Department,
Volgograd Affiliate of the Russian
Presidential Academy of National Economy
and Public Administration.
8, Gagarina St., 400131, Volgograd,
Russian Federation,
Olga-demushina@yandex.ru

Они лежат в основе того факта, что в коммуникации участвуют все члены социума, владеющие языковой компетенцией, и при этом аспект отношений «систематизирует», другими словами, приводит содержание в соответствие с отношением между участниками коммуникации. Здесь следует добавить, что содержательный аспект вербального продукта включает не только диктумную, но и модусную составляющую. А от последней во многом зависит набор языковых средств выражения.

Любой акт коммуникации происходит в рамках определенного дискурса, а коммуникативное поведение как таковое «...проявляется в определенном дискурсе — формате общения, обусловленном культурно-ситуативными нормами, и конкретизируется в виде определенных речевых жанров — исторически сложившихся ситуативных форм речевого поведения» [6, с. 334]. Поэтому дискурсивные характеристики вербального продукта коммуникации обусловлены рядом факторов, в частности:

- уровнем развития языковой и коммуникативной компетенций участников коммуникации на определенном идиоме;
- уровнем и спецификой их интеллектуального, этнокультурного развития;
- набором нравственных и этических норм социального взаимодействия;
- социальной средой общения;
- прагматическими целями общения.

Кроме этого дискурсивные характеристики коммуникации и непосредственно языковая составляющая вербального продукта могут определяться и «пространственными» факторами — коммуникативным пространством, например, обладанием в каком-либо ареале определенного идиома — диалекта/говора, например, хоперские, медведицкие и чирские говоры Волгоградской области, одесский говор, возникший на основе русского, украинского, идиш и других языковых вкраплений, суржик — смесь русского и украинского языков на юго-востоке Украины, Kölsch — городской говор Кельна и его окрестностей, принадлежащий к рипуарским диалектам средненемецкой группы и др. При этом отдельные идиомы используются не во всех видах дискурса и не во всех видах речевой деятельности.

Так, например, в различных подвидах институционального дискурса используется литературная норма языка, а в разговорно-бытовом дискурсе может преобладать использование различных диалектов, говоров и социолектов.

Термин *коммуникативное пространство* не имеет в лингвистике однозначного толкования и рассматривается то как территория, среда, в пределах которой происходит взаимодействие [7], то как информационное пространство [8, с. 295—296], то как зона реальных и потенциальных контактов каждого из участников коммуникации с точки зрения говорящего [9, с. 13], то как целостная коммуникативная среда, «в которую говорящие как бы погружаются в процессе коммуникативной деятельности» [10, с. 297].

Под *коммуникативным пространством (КП)* мы понимаем некоторый пространственный (географический) культурно-языковой ареал с характерным для него набором и структурой использующихся идиомов, которые сложились в ходе исторически специфических для данного ареала демографических, политических, экономических, миграционных, межнациональных и др. цивилизационных процессов.

Состояние КП на определенный момент его развития обусловлено:

- компактностью постоянно проживающего в данном ареале населения;
- интенсивностью и массовостью миграционных процессов коммуникантов из других языковых ареалов;
- экономической, этнической и возрастной структурой населения;
- развитием различных сфер коммуникации на разных идиомах (бытовая, диаспорная, институциональная (по месту службы, работы, учебы, бытового, медицинского и др. обслуживания и т. п.);
- образовательным уровнем населения, включая уровень развития коммуникативных компетенций на каком-либо языке;
- культурным уровнем социума.

КП характеризуется:

- динамическим характером и возможностью использования коммуникантами нескольких идиомов одного языка;
- возможностью использования этническими (нерусскими) группами коммуникантов в различных условиях и сферах коммуникации двух или большего количества языков в вариантах (родной + русский, русский + язык одного из родителей, русский + иностранный);
- необязательностью использования в повседневной бытовой коммуникации литературной нормы;
- потребностью либо необходимостью коммуниканта порождать различные по дискурсивным характеристикам вербальные продукты с использованием средств различных идиомов;
- степенью засоренности речевого продукта (отдельных дискурсов или идиомов) словами-паразитами и ненормативной лексикой.

В рамках статьи мы рассмотрим лишь некоторые аспекты и характеристики разговорно-бытового дискурса в коммуникативном пространстве Волгограда и их зависимости от некоторых экстралингвистических факторов.

Этнический состав населения. Согласно переписи 2010 г.², 92,3 % жителей города — русские, далее по численности следуют армяне — 1,5 %, украинцы — 1,2 % и татары — 1,0 %. Реальными билингвами можно считать лишь часть армянского и татарского населения, а также выходцев с Северного Кавказа и Закавказья и других регионов бывшего СССР, составляющих в общей сложности около 4 % населения города. Практически все население Волгограда независимо от национальной (этнической) принадлежности владеет и пользуется русским языком как средством межэтнической коммуникации. Коммуникативная мощь русского языка (число коммуникативных сфер, им обслуживаемых) и его статус государственного языка РФ обеспечивают бесконфликтную языковую ситуацию в Волгограде, а особенности коммуникативного пространства ограничиваются, главным образом, спецификой дискурсивного использования русского языка различными социальными группами населения в различных условиях коммуникации.

Демографическая ситуация в новейшей истории Царицына — Сталинграда — Волгограда претерпевала внезапные и быстрые изменения в связи с волнообразными притоками и оттоками населения в период индустриализации, в ходе Сталинградской битвы и послевоенного восстановления города³. До ВОВ население Сталинграда составляло 525 тысяч, после Сталинградской битвы — лишь 32 тысячи, в 1956 г. достигло довоенного уровня, в 1979 — 926 тысяч, а к концу XX в. — более миллиона человек. Такой быстрый рост численности городского населения в послевоенный период происходил в связи с массовым притоком рабочей силы из различных регионов СССР. Следствием этого стало то, что в речи подавляющего числа волгоградцев практически не присутствуют ни фонетические, ни просодические, ни лексические элементы южнорусского говора, как это имеет место, например, в Ростове-на-Дону.

Образовательный уровень населения является одним из факторов, определяющих развитие коммуникативных компетенций, приближенных к орфоэпической литературной норме. На начало XXI в. Волгоградская область занимала 22 место в РФ по уровню образования, а количество жителей с высшим образованием составило в 2012 г. 282 766 человек при общей численности населения 2 594 825 человек, в том числе немногим более 1 миллиона жителей Волгограда⁴. Такой достаточно высокий образовательный уровень населения можно рассматривать как предпосылку использования преимущественно литературной языковой нормы в массовой коммуникации.

Здесь следует упомянуть о специфике использования одного и того же языка одним и тем же индивидом в различных дискурсивных условиях и, в частности, в различных сферах общения с различными социальными, профессиональными, возрастными группами коммуникантов. Практически каждый говорящий в активном возрасте может являться носителем и пользователем нескольких идиомов в рамках единого языка общения. Порождаемые им

² Население_Волгоградской_области [Электронный ресурс]. URL: // http://mmorpgbb.ru/foegwoeg/Население_Волгоградской_области (дата обращения 16.06.2014).

³ Волгоградская область в цифрах. Volgograd [Электронный ресурс]. URL: // adzite.ru/naselenie/dinamik:asp (дата обращения 22.07.2014).

⁴ Там же.

тексты, идентичные по своим содержательным (информационным) параметрам, могут значительно различаться по выбору языковых средств реализации интенций фактуального и аксиологического характера. Это касается не только стилевых различий в рамках научного, официально-делового, публицистического, художественного и разговорного стилей. В пределах разговорно-бытового общения в неофициальной обстановке, т. е. вне рамок какого-либо институционального дискурса, выбор языковых средств коммуникации определяется уровнем развития языковой компетенции и речевой культуры вообще и статусным отношением говорящего к адресату, аффективным состоянием говорящего, прагматическими целями общения, местом и временем коммуникативного контакта в частности.

Специфика коммуникативного компонента социального взаимодействия в рамках городского пространства наиболее заметна постороннему (не непосредственному участнику коммуникативного контакта) в местах общего пользования (магазинах, местах отдыха, транспорте, пешеходных зонах и т. д.). Следует учесть и то, что иногородние гости Волгограда, впервые посещающие город-герой, приезжают в него с определенными представлениями о его героическом прошлом и ожиданием положительного образа его настоящего. Разочарования наступают не только от состояния городских дорог, засоренных дворовых пространств и др., но и от услышанной в общественных местах нецензурной брани и хамского поведения некоторых жителей от подросткового до пенсионного возраста. Это печальное обстоятельство не раз отмечалось в СМИ без каких-либо положительных последствий.

Исправление ошибок и пороков в человеческой деятельности, в том числе и вербальной, не может реализоваться без осознания их каждым субъектом деятельности. Вопрос о том, насколько языковая личность осознает, какой речевой продукт и в каких коммуникативных условиях она порождает, имеет не только социолингвистический, но и морально-этический аспект, и ответ на него следует искать в развитии культуры речи в семье, в стенах школы и других учебных заведений. В связи с этим задачи обучения родному языку должны касаться не только обучения литературной норме, орфографии и пунктуации, но и речевому поведению в различных дискурсивных условиях и формах коммуникации.

В рамках изучения структуры и особенностей современного коммуникативного пространства Волгограда авторы статьи исследовали одну из категорий его субъектов. К субъектам коммуникативного пространства относятся представители разных слоев населения города — носители разных типов речевой культуры: пенсионеры, рабочие, служащие, преподаватели, студенты и т. д. Эмпирическим объектом представленного исследования являются студенты Волгоградского филиала РАНХиГС. С целью выявления особенностей и качества речевого поведения студентов в апреле — мае 2014 г. был проведен их социологический опрос. В рамках исследования были опрошены 208 студентов трех факультетов. В опросе были представлены все возрастные группы обоих полов.

В ходе исследования планировалось решить следующие *задачи*:

- 1) выяснить, какие идиомы или их элементы используют студенты в своей речи;
- 2) выявить наиболее часто используемые идиомы;

- 3) определить источники используемых студентами идиомов;
- 4) исследовать частоту использования элементов отдельных идиомов (диалектов, социолектов) в речи студентов;
- 5) выявить отношение студентов к использованию нелитературных языковых средств.

Анкета представляла собой несколько групп вопросов, каждая из которых была посвящена определенному идиому. В каждой группе были представлены следующие вопросы:

1. Используете ли Вы данный вариант языка в своей речи?
2. Назовите 5 самых известных слов, относящихся к данному идиому.
3. Для чего Вы употребляете эти слова?
4. Могли бы Вы обойтись без них?
5. Источники пополнения данного вида лексики.
6. Как часто Вы используете данные слова?
7. Как Вы относитесь к тому, что представители противоположного пола употребляют этот вид лексики?
8. Когда Вы начали использовать эти слова?

Были получены следующие *результаты*.

Социальное измерение коммуникативного пространства представлено использованием жаргона — варианта языка, которым пользуется та или иная социальная общность или группа людей, объединенных общей социальной или профессиональной принадлежностью [11]. В представленном исследовании рассматриваются разные виды жаргона, используемые в студенческой среде.

62 % респондентов употребляют в своей речи жаргонизмы, которые можно разделить на несколько категорий: молодежный сленг («туса», «жесть», «клево», «круто», «офигеть», «прикол» и т. д.); студенческий жаргон («степуха», «препод», «студак», «автомат» и т. д.); жаргонизмы, пришедшие из криминальной среды и тюремного арго («стучать», «скопытиться», «стрелкаться» и т. д.), заимствования из английского языка («фейс», «лайкнуть», «LOL» и т. д.), компьютерный сленг («репостить», «клава», «инет» и т. д.). Основной причиной использования жаргонных слов студенты считают привычку (58 %). Часть респондентов объясняют наличие жаргонных слов в своей речи тем, что они «делают речь понятнее» (18 %). Примерно столько же опрошенных употребляют жаргонизмы «для связи слов» (19 %).

Опрошенные студенты оценивают в целом жаргонизмы как позитивное явление. Больше половины респондентов (54 %) полагают, что они нужны в речи. Однако при этом две трети студентов признались, что в некоторых ситуациях они стараются обойтись без жаргонных слов. Применение жаргонизмов, таким образом, они связывают с определенными ситуациями. Большая часть опрошенных уверена, что легко избавиться от жаргонизмов в речи при необходимости. Подавляющее большинство респондентов (более 70 %) используют жаргонную лексику в кругу друзей, незначительная доля опрошенных (5 %) применяет ее также в общении с родителями. Основными источниками пополнения жаргонной лексики являются сверстники (56 %) и Интернет (34 %). Анализ не выявил принципиальных различий в ответах юношей и девушек.

Территориальное измерение коммуникативного пространства представлено использованием диалекта — разновидности языка, которая употребляется как средство общения между людьми, связанными одной территорией. Несмотря на то, что большая часть опрошенных употребляет диалектные слова (53 %), из результатов опроса складывается впечатление, что не все респонденты хорошо понимают, что такое диалектизмы. Так, 76 % анкетированных в ответе на вопрос «Назовите диалектные слова, которые Вы употребляете или знаете» не указали никаких примеров. В указанных примерах не все слова действительно являются диалектизмами. Так, студенты называют диалектными слова уголовного жаргона («капуста», «шконка»), разговорные слова («то бишь», «стибрить»).

Названные респондентами диалектизмы можно разделить на несколько категорий: слова, типичные для Волгоградской области и не употребляемые в других регионах («гредушка», «сайка»); слова, пришедшие из украинского языка («сробишь», «бачу», «цибуля», «дывлюсь»); слова, употребляемые в других регионах («мультифора» — файл в Новосибирске, «вехотка» — мочалка в Сибири и на Дальнем Востоке, «буряк» — свекла на юге России); слова, используемые в Волгоградской области и в некоторых других регионах («синенькие»).

В качестве источников пополнения диалектных слов студенты назвали, в частности, родственников (23 %), сверстников (21 %), телевидение (17 %), Интернет (16 %). Среди респондентов есть немало затруднившихся с ответом (15 %), что также доказывает, что студенты не очень хорошо знакомы с данной категорией слов. Однако еще больше затруднившихся (43 %) с ответом на следующий вопрос: «Как Вы считаете, надо ли использовать в речи диалектизмы?» 22 % респондентов ответили на этот вопрос положительно, 35 % — отрицательно. Негативное или равнодушное отношение студентов к диалектизмам можно объяснить их слабой осведомленностью в этом вопросе.

Согласно результатам опроса, ненормативная лексика⁵ имеет широкое распространение в студенческой среде. 63 % респондентов признают, что, хотя и редко, но используют ненормативную лексику в своей жизни. 18 % опрошенных студентов часто имеют дело с этой категорией слов. 16 %, по их признанию, никогда не употребляют ненормативную лексику. Юноши чаще используют эти слова, чем девушки. Так, опрошенные констатируют, что представители противоположного пола часто (53 %) или иногда (38 %) употребляют ненормативную лексику в их присутствии. Чаще всего на этот вопрос утвердительно отвечают девушки (75 % всех опрошенных женского пола).

Несмотря на то, что три четверти опрошенных используют ненормативную лексику, большинство из них считают ее негативным явлением. 78 % студентов (из них 63 % девушек и 37 % юношей) не одобряют использование ненормативной лексики представителями противоположного пола. Ответы на вопрос об источниках знакомства с ненормативной лексикой распределились следующим образом: сверстники — 49 %, Интернет — 31 %, телевидение — 12 %, семья — 7 %.

---

⁵ Ненормативная (обценная) лексика, нецензурные выражения, непечатная брань — сегмент бранной лексики, включающий грубейшие бранные выражения. Одной из разновидностей обценной лексики в русском языке является русский мат. К ненормативной лексике относят обозначения мужских и женских половых органов и полового акта, а также производные от них и устойчивые обороты, включающие данные слова.

Частое использование ненормативной лексики волгоградскими студентами отчасти объясняется повсеместным распространением этой категории слов в Волгоградской области. Так, 62 % опрошенных студентов часто слышат ненормативную лексику в общественных местах города, 36 % — иногда, и лишь 2 % респондентов отметили ответ «редко». Часть опрошенных (31%) используют ненормативную лексику в бытовом общении в семье. Однако основная сфера использования этой категории слов — общение со сверстниками. 87 % студентов начали употреблять данную лексику в школе, однако, как показывает опрос, не отказались от нее в вузе (51 % редко, а 47 % постоянно слышат ненормативную лексику в общении студентов во внеучебное время).

В последнее время проблемой культуры речи и в более общем виде проблемой сохранения русского языка озаботилась Государственная дума РФ. Законодательное ограничение использования ненормативной лексики коснулось лишь сферы кино и литературы и вызвало неоднозначную реакцию некоторых представителей творческой интеллигенции. Конечно, представление читателю или зрителю картинок реальной жизни, где герои из различных слоев общества не пользуются ненормативной лексикой, искажает специфику российской повседневной бытовой коммуникации, а сам запрет на использование этого языкового «богатства» не повлияет на повышение культуры общения.

Попытки ограничения публичного использования ненормативной лексики предпринимались еще при императрице Елизавете Петровне и в советское время. За нарушение запрета предписывались различные наказания, включая штрафы или аресты на непродолжительное время. Несмотря на это, число пользователей данным слоем экспрессивной лексики значительно увеличилось за счет «слабой половины» русскоязычного социума. Этот факт еще раз подтверждает невозможность законодательного влияния на объективные процессы развития языка и его речевого использования. Языковая политика государства в сфере межкультурной коммуникации в рамках русскоязычного социума может и должна осуществляться через сферу воспитания, образования и просвещения. Использование нелитературной «нормы» общения во многом определяется тем, что из-за потери интереса и необходимости чтения художественной литературы все новые поколения молодежи не в состоянии выражать свои мысли, чувства и эмоции, используя богатство родного языка.

Что касается коммуникативного пространства города-героя Волгограда, то, учитывая его статус национальной святыни в глазах не только населения России, но и всего мира, общественным организациям, включая таковые патриотического толка, учебным заведениям различного уровня, органам власти и правопорядка, простым гражданам следовало бы организовать целенаправленную кампанию по очищению городского пространства от сквернословия и придать ему более этические свойства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Туркина В. Г. Виртуализация городского пространства // Вестник Волгоградского университета. Сер. 7. Философия. Социология и социальные технологии. 2008. № 2. С. 64—67.

2. Staemmler J. Kommunikation im ländlichen Raum. Expertise für die Amadeu Antonio Stiftung im Rahmen des Projekts „Region in Aktion“. 2012. URL: <http://www.laendlicher-raum.info/w/files/aas12/kommunikation-im-laendlichen-raum.pdf>

3. *Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Bd. 2. Zur Kritik der funktionalen Vernunft.* Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1985.
4. *Luckmann T. The Sociology of Language.* Indianapolis : Bobbs-Merrill, 1975. 79 p.
5. *Вацлавик П., Бивин Д., Джексон Д. Психология межличностных коммуникаций.* СПб.: Речь, 2000. 300 с.
6. *Карасик В. И. Языковые ключи.* Волгоград: Парадигма, 2007. 520 с.
7. *Шарков Ф. И. Основы теории коммуникации.* М.: Социальные отношения, 2005. 246 с.
8. *Почепцов Г. Г. Теория коммуникации.* М.: Рефл-бук, Киев: Ваклер, 2001. 656 с.
9. *Воронцова Т. А. Коммуникативное пространство в лингвопрагматической парадигме // Вестник Удмуртского университета. Сер.: История и филология. 2009. Вып. 1. С. 11—17.*
10. *Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования.* М.: Новое литературное обозрение, 1996. 348 с.
11. *Dalzell T., Banyai I. Flappers 2 Rappers. American Youth Slang.* Springfield: Merriam-Webster Inc. Publ., 1996. 272 p.

REFERENCES

1. *Turkina V. G. [City space virtualization]. Vestnik Volgogradskogo universiteta. Ser. 7. Filosofiya. Sotsiologiya i sotsial'nye tekhnologii [Science Journal of Volgograd State University. Philosophy. Sociology and Social Technologies], 2008, no. 2, pp. 64—67.*
2. *Staemmler J. Kommunikation im ländlichen Raum. Expertise für die Amadeu Antonio Stiftung im Rahmen des Projekts „Region in Aktion“.* 2012. URL: <http://www.laendlicher-raum.info/w/files/aas12/kommunikation-im-laendlichen-raum.pdf>.
3. *Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Bd. 2. Zur Kritik der funktionalen Vernunft.* Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1985.
4. *Luckmann T. The Sociology of Language.* Indianapolis, Bobbs-Merrill Publ., 1975. 79 p.
5. *Batslavik P., Bivin D., Dzhekson D. Psikhologiya mezhlichnostnykh kommunikatsii [Psychology of Interpersonal Communication].* St. Petersburg, Rech' Publ., 2000. 300 p.
6. *Karasik V. I. Yazykovye klyuchi [Language Keys].* Volgograd, Paradigma Publ., 2007. 520 p.
7. *Sharkov F. I. Osnovy teorii kommunikatsii [Principals of Communication Theory].* Moscow, Social Relations Publ., 2005. 246 p.
8. *Pochepstov G. G. Teoriya kommunikatsii [Communication Theory].* Moscow, Refl-buk Publ., Kiev: Vakler Publ., 2001. 656 p.
9. *Vorontsova T. A. [Communicative Space in the Linguistic and Pragmatic Paradigm]. Vestnik Udmurtskogo universiteta. Istoriya i filologiya [Bulletin of Udmurt University. History & Philology], 2009, iss. 1, pp. 11—17.*
10. *Gasparov B. M. Yazyk, pamyat', obraz. Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya [Language, Memory, Image. Linguistics of Language Existence].* Moscow, New Literary Review Publ, 1996. 348 p.
11. *Dalzell T., Banyai I. Flappers 2 Rappers. American Youth Slang.* Springfield: Merriam-Webster Inc. Publ., 1996. 272 p.

© Ковалевский Р. Л., Демушина О. Н., 2015

Поступила в редакцию
в январе 2015 г.

Ссылка для цитирования: *Ковалевский Р. Л., Демушина О. Н. О коммуникативном пространстве Волгограда // Социология города. 2015. № 1. С. 46—55.*

For citation: *Kovalevskii R. L., Demushina O. N. [About communicative space of Volgograd]. Sotsiologiya Goroda [Sociology of City], 2015, no. 1, pp. 46—55.*

УДК 316.6

*В. В. Орлова,
Ю. А. Луц***ПОТЕНЦИАЛ МОЛОДЕЖИ
КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ
СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА
(на примере г. Томска)**

Исследование посвящено ментальному образу города в восприятии молодежи и ее потенциалу к развитию города. Анализируются результаты исследования, проведенного в феврале – апреле 2014 года. В исследовании использовались онлайн-анкетирование и метод ментальных карт. В опросе участвовала молодежь г. Томска различного социального статуса (студенты, школьники, рабочая молодежь) в количестве 100 человек: 69 % женщин и 31 % мужчин в возрасте от 14 до 35 лет. На основе анализа основных сфер жизнедеятельности горожан предложены ментальные карты репрезентации городской среды. Выделены группы горожан по степени участия и заинтересованности в городской жизни.

Ключевые слова:

метод ментальных карт,
молодежь,
потенциал,
город.

*V. V. Orlova,
Yu. A. Luts***POTENTIAL OF THE YOUTH
AS DEVELOPMENT FACTOR
OF A MODERN CITY
(by the example of Tomsk city)**

The research is devoted to the mental image of the city in the perception of the youth and its potential for the development of the city. The results of the study conducted in February-April, 2014 are analyzed. The study uses online questionnaire and the method of mental maps. The survey involves the youth of Tomsk of different social status (students, pupils and the working youth) in the amount of 100 persons: 69 % of women and 31 % of men aged 14 to 35 years. On the basis of the analysis of the major areas of activity of the citizens the authors offer mental maps of

Начавшаяся во второй половине XX в. «городская революция», коренным образом изменяющая экономической, финансовый и социальный ландшафты в развитых странах, достигла переломной точки в 2008 г., когда впервые за всю историю более половины человечества (3,3 млрд человек) стали жить в городах. За весь XX в. мировое население городов выросло с 220 млн до 2,9 млрд человек. По прогнозам ООН, к 2030 г. население мира возрастет до 8 млрд человек (по сравнению с 6 млрд человек в 2000 г.), а городское население увеличится до 5 млрд человек, его доля составит более 61 %. Переход к ситуации, при которой основную часть населения мира будут составлять городские жители, носит необратимый характер. Урбанизация коренным образом меняет отношения населения с территорией его проживания.

Развитие интереса к городу со стороны научного сообщества в первой половине XX в. многим обязано чикагской школе социологии. В начале столетия в Америке уже распространилась практика так называемых социальных обследований (social surveys), проводимых энтузиастами-любителями и сфокусированных на проблемах городов и условиях жизни разных групп городского населения. Чикагская школа продолжила эту традицию городских исследований, но преобразила ее настолько, что уже в 1930 гг. любительские социальные обследования окончательно сошли со сцены, уступив место профессиональным [1—5].

Для анализа качественных результатов применены два подхода. Первый назван «от города — к картам», так как охватывает весь город и проецирует его на карты. Второй подход «от карт — к городу», в котором наполнение карт соотносится с городом.

Подход «от города — к картам» основан на принципах человеко-средовой парадигмы Т. М. Дридзе, носящей общеметодологический характер и имеющей назначение повернуть фундаментальную теорию социального познания и социального действия лицом к живому человеку, обитающему в многослойной жизненной среде и эволюционирующему в процессе непрерывной обратной связи с ней [6].

representation of the urban environment. The groups of citizens are distinguished according to the level of their participation and interest in city life.

Key words:

mental map's method,
youth,
potential,
city.

Об авторах:

Орлова Вера Вениаминовна – доктор социологических наук, профессор кафедры философии и социологии, Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники (ТУСУР), Российская Федерация, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 40, orlova_vv@mail.ru

Orlova Vera Veniaminovna – Doctor of Sociological Science, Professor of Philosophy and Sociology Department, Tomsk University of Management System and Radio Electronics, 40, pr. Lenina, 634050, Tomsk, Russian Federation, orlova_vv@mail.ru

Луц Юлия Александровна – аспирант кафедры философии и социологии, Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники (ТУСУР), Российская Федерация, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 40, julia.lutz@yandex.ru

Lutz Yuliya Aleksandrovna – Post-graduate student of Philosophy and Sociology Department, Tomsk University of Management System and Radio Electronics, 40, pr. Lenina, 634050, Tomsk, Russian Federation, julia.lutz@yandex.ru

В данной парадигме выделены основные сферы разнообразной городской жизни. Посредством такого анализа можно увидеть, что из целостной городской среды более всего выделяют респонденты и как это соотносится с остальными компонентами ментальной карты.

1. **«Зеленая» среда города** в ментальных картах характеризует связь горожанина с природой, определяющуюся возможностью контакта человека и естественного пространства. Эта связь может быть непосредственной физической, визуальной, психологической. Ее качество обеспечивается наличием естественных, искусственных природных форм.

2. **Созидаемая среда города** — это как экономические, хозяйственные, социальные объекты городского пространства, так и его культурно-историческая среда, в особенности ее пространственная организация, культурно-историческое наполнение города, объекты художественной культуры, памятники, события и связанные с ними места.

3. **Личностно-эмоциональная среда города.** В ментальных картах данный аспект анализа обнаруживается в эмоциональной связи с городом и отношении к нему (переживания, чувства, ожидания, надежды, зафиксированные графически).

Такой подход к среде позволяет рассматривать пространство города на основе анализа основных сфер жизнедеятельности горожан. Объединяющим элементом городского пространства в данном контексте является человек. Городская среда предстает индивиду в виде повседневной реальности, в которой он живет. Воспринимая окружающую действительность, мы считываем смыслы, запоминаем объекты, осмысливаем явления и укладываем разрозненную массу информации в свою собственную четкую и понятную именно нам образную схему. Таким образом, социальное пространство города включает в себе два измерения — субъективное, которое раскрывается в рисунках и передает видение автора и тех, кто интерпретирует его в исследовательских или иных целях, и интересобъективное (общественное) измерение повседневной жизни города, которое образуется наложением субъективного пространства на объективные пространственные структуры города [7].

Для подхода «от карт к городу» основой стала типология, предложенная Д. Н. Сазоновым [8]. Критериями данной типологии являются два признака:

- формальный — особенности графического исполнения;
- неформальный — содержательное наполнение карты.

Нами типология была скорректирована и расширена на основании собранного эмпирического материала исследования. Аналоговые карты (формальный признак) были заменены абстрактными, а к картам по неформальному признаку добавились каркасные карты.

По параметру графического исполнения (общий стиль карты) выделены:

1) **карты-схемы** с четкой и пропорциональной структурой города, свидетельствующие о достаточно хорошем знании города. В таких картах город изображен «максимально» полно. Как правило, такие карты дополнены примечаниями, уловными обозначениями, сносками;

2) **карты-эскизы** с менее пропорциональной и подробной структурой города, элементы карты менее или вовсе не соотнесены друг с другом. Доминирует подробное изображение конкретной части города, наиболее значимой и освоенной респондентом;

3) **абстрактные карты**. Город изображен в них через беспредметные графические образы. Они не содержат конкретных объектов городского пространства, а лишь передают его образное восприятие;

4) **смешанные карты** имеют разнообразное сочетание вышепредложенных вариантов, без ярко выраженного акцентирования.

№ карты	«Зеленая» среда	Создаваемая среда	Личностно-эмоциональная среда	Тип карты по признаку*	
				формальному	неформальному
				Абстрактные	Смешанные

Формальный признак

- ЛК — личные карты
- КК — каркасные карты
- КИС — культурно-исторические карты
- ДК — деловые карты
- СК 2 — смешанные карты

Неформальный признак

- КС — карты-схемы
- КЭ — карты-эскизы
- АК — абстрактные карты
- СК — смешанные карты

По параметру содержательного наполнения карты выделяются:

1) **каркасные карты**, в своей основе содержащие один из каркасов города — природный или урбанизированный;

2) **личные карты** с доминирующим изображением значимых для респондента мест. На таких картах можно встретить впечатления, воспоминания, связанные с конкретным местом или с городом в целом;

3) **культурно-исторические карты** с преобладающим изображением элементов, характеризующих культуру и историю города: памятники, достопримечательности;

4) **деловые карты**, отражающие прагматическое отношение к городу, в таких картах более всего раскрывается город повседневный. Такие карты созданы «через очки» дизайнера, водителя, архитектора;

5) **смешанные карты**, сочетающие в себе несколько типов карт, без ярко выраженного акцента.

Для более полного анализа ментальных карт разработан бланк, в котором типология репрезентации городской среды соотнесена с основными городскими средами города, что позволило более конкретно и четко установить тип карты как по формальному, так и содержательному признаку.

Процедура анализа карт. Объектами анализа выступали карты-рисунки:

1) определение типа рисунка по формальному признаку: карта-схема, карта-эскиз, абстрактная или смешанная карта;

2) определение присутствия в карте сред города: «зеленой», создаваемой, личностно-эмоциональной;

3) определение типа рисунка по неформальному признаку: каркасная, личностная, культурно-историческая, деловая, смешанная. В бланке отмечается обнаруженный в карте критерий (цветом и условным обозначением), таким образом складывается форма для выявления взаимозависимости сред;

4) также к полученным рисуночным данным был применен контент-анализ в целях расширения пределов интерпретации. Контент-анализ включал в себя фиксацию часто повторяемых городских объектов.

Респондентам предлагалось выполнить задание: нарисовать карту города Томска, используя доступные графические средства и приемы. Особо подчеркивалось, что важно передать, как респондент воспринимает город. Возможно, ввиду сложности задание отказались выполнить 50 % респондентов. Таким образом, количество карт для анализа составило 50, из них: 8 карт-схем, 12 абстрактных карт и 30 карт-эскизов. Респондент в данном исследовании выступает как уникальный «эксперт» в области проживания в городе.

Ментальные карты как метод и продукт исследования позволяют увидеть: социально-культурный контекст места, многообразие взглядов на город, особенности субъективного восприятия повседневности, а также отражение социально значимых ориентиров исследуемой социальной группы, степень освоения жизненного пространства города.

Природа и город очень тесно и разнообразно переплетены. Эта взаимосвязь раскрывается на ментальном уровне при анализе карт абстрактного типа. Так, в картах, в которых присутствует только зеленая среда, город изображен в сложно опознаваемых контурах и как бы накладывается на его природный каркас. Вследствие этой особенности данные карты относятся к каркасному типу. Но если в абстрактной карте к природной среде добавляется создаваемая среда («родной ВУЗ», «любимое кафе», «мой дом»), то она становится личностной по наполнению, и в ней появляется эмоционально-личностная среда.

Исследование городского пространства неотделимо от исследования практик повседневной городской жизни. Городская жизненная среда очень разнообразна и всегда связана с деятельностью людей. Как пишет Т. М. Дридзе, город «создается деятельностью людей, повседневные запросы

которых и составляют собственно социальную “подоснову” сотворения рукотворных городских ландшафтов» [9]. Эту взаимосвязь подчеркивает и В. Л. Глазычев: «...невозможно обнаружить такие проявления разнообразной жизнедеятельности горожан, которые не “вписывались” бы в городскую среду так или иначе, не оставляли бы в ней свой след и, в свою очередь, не испытывали бы совсем зависимости от нее. Обжитое пространство всего города, сложенное из пространств деятельности человека — прямой или косвенной — все это городская среда» [10].

Повседневные практики в городе как результат и содержание деятельности горожан наделены эмоциями и отражают образ жизни [11]. Сюда входят профессиональный труд и хобби, образование, досуг, культурное и общественное участие. Доминантные формы и виды деятельности повседневной реальности составляют основу и базу развития личности. Именно через карты-эскизы респондент более полно передает структуру повседневной реальности, которую разделяет с другими людьми. Карты-эскизы, как самые разнообразные в содержательном плане, носят ярко выраженный характер. Карты личностного содержания более других передают эмоциональное отношение, как негативного плана, например, состояние дорог города (на картах обозначены «ямы», «пробки»), так и положительного по отношению к любимому району («пл. Южная: зона комфорта, дом родной»), вузу, кафе, магазину и даже реке («Томь – матушка»). Деловые карты показывают каждодневные заботы респондента («бежать», «ехать», «идти», «шагать», «лететь»), основные пути, маршруты.

Культурно-исторические объекты, сконцентрированные в одноименных картах, воспринимаются как монументы и достопримечательности города, эти же объекты в деловых картах воспринимаются как ориентиры. Так, например, часто отображаемый в картах памятник А. П. Чехову в одной представлен как место встречи, в другой — как культурный объект города (на карте изображены фотографирующиеся люди).

Одним из способов качественного наполнения стратегий может стать исследование образа города, которое особенно востребовано на начальном этапе социально-экономического планирования, так как задает многосторонний подход к пониманию территории и обозначает актуальность привлечения как специалистов самого различного профиля, так и общественности. Образ города понимается как смысловой конструкт, основанный на комплексном восприятии пространства его обитателями. Этот образ, как правило, неоднозначен и его сложно уловить. Он включает как наиболее устойчивые представления о конкретной территории, так называемое базовое ядро образа, в которое входят объекты городской среды, обладающие максимальной значимостью, так и второстепенные и более изменчивые. Уловить групповой образ города и применить его к стратегии развития города возможно с помощью метода ментальных карт. Приемы позиционирования как технологии формирования положительных стереотипов и работа с восприятием потребителя оказываются применимыми и к городу. Так как существуют объективные основания для создания благоприятного имиджа Томска, несомненным достоинством данного стратегического направления для города является «низкозатратность, не требующая радикальных изменений инфраструктуры, формирования других реальных факторов притягательности», что «концентрирует усилия преимущественно на правильной подаче информации, пропаганде

уже существующих, ранее созданных преимуществ территории и перспектив ее развития» [12].

В документации данного типа чаще всего используется комплексная модель позиционирования города с разделением по выделенным направлениям. Наиболее интересными для исследования направлениями городской целевой программы «Внешнее позиционирование Томска»¹ являются те, в которых делается «ставка на молодежь». И это такие направления, как:

- позиционирование города Томска как столицы молодежи (так, соседи Томска Новосибирск и Кемерово позиционируют себя как «столица Сибири» и «столица Кузбасса» соответственно). Возрастная структура города Томска в целом похожа на общероссийскую. Ключевое отличие — специфическое резкое увеличение численности населения молодого возраста (от 18 лет и старше). Это, в основном, результат образовательной миграции: наиболее многочисленная возрастная группа — студенты, которые съезжают в томские высшие учебные заведения со всей Сибири [13];

- поддержание/удержание репутации Томска как студенческого города;
- внешнее продвижение имиджа студенческого города и его университетов;
- позиционирование города Томска как территории инновационного развития и инновационного молодежного творчества.

Важная роль в исследовании образа города и городской среды отведена социологическим методам, предполагающим проведение и анализ результатов различного рода опросов с целью выявления и обобщения коллективных представлений об исследуемых территориях.

Чтобы понять, как молодежь оценивает потенциал городской среды, и узнать потенциал самой молодежи как субъекта городской жизни к развитию города, нами было проведено исследование в форме онлайн-анкетирования.

В уставе города Томска (статья 1, пункт 2)² прописано, что градообразующим является научно-образовательный комплекс. Именно это конкурентное преимущество города взято за основу продвижения его имиджа. На сегодня Томск позиционирует себя как образовательный и инновационный центр, следовательно, возникает очень непростая задача привлечения молодежи и закрепления в городе талантливых и одаренных людей, которые могли бы обеспечить его дальнейшее инновационное развитие. Томск в этом отношении стремится быть привлекательной территорией, чтобы сюда приезжали за качественным образованием и оставались для профессиональной самореализации. Для этих целей и аккумулируется имидж Томска как перспективной среды для молодежи.

Но как сама молодежь видит город? Для того чтобы узнать это, мы предложили респондентам продолжить фразу «город Томск — это...». Так, 29 % опрошенных считают Томск «городом университетов», затем следует вариант «столица молодежи» — 18 %, далее «Сибирские Афины» — 13 %, 10 % назвали город «инновационным». «Провинцией» Томск считает наименьшее

---

¹ Решение Думы г. Томска от 04.02.2014 № 224 (ред. от 04.02.2014) «Об утверждении Стратегии развития города Томска до 2020 года» // КонсультантПлюс. URL: <http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW091;n=76911>.

² Устав Города Томска (принят решением Думы города Томска от 04.05.2010 № 1475) (ред. от 04.03.2014) // КонсультантПлюс. URL: <http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW091;n=78222>.

число опрошенных — 6 %. К этой характеристике города добавилось «Томск — большая деревня», предложенное в графе «Другое». Так, очень интересными оказались варианты ответов, раскрытые именно через этот пункт анкеты. 24 % опрошенных предложили свой вариант, некоторые из них были принципиально различны в оценке Томска: «ничем не примечательный город» и «красивый зеленый город с самобытной архитектурой, множеством глубинок и старых улочек», «удивительный и непредсказуемый город». Другие же, наоборот, будто дополняли друг друга и тем самым выражали мысль, что Томск — «город с большим потенциалом, который очень слабо используется», «больших возможностей, но маленьких зарплат», «город молодежи, где мало для нее что делается». Еще одна группа ответов передавала эмоциональную связь с городом: «город Души», «город с душой», «мой дом», «вечная бурлящая молодежная тусовка». Варианты, предложенные в анкете, были уточнены: «умный город», «студенческий город», «университетский городок», «культурно-провинциальный город». Через все это отражаются ценности места, как пишет Д. В. Визгалов, «ценности — это гуманитарная наполненность города. Это, например, архитектура города, его история, местный колорит, язык, на котором говорят жители, их привычки, менталитет» [14].

Город и созданные в нем условия должны соотноситься с потребностями и ценностями проживающего в нем человека. Взаимосвязь комфортности городской среды и возможности самореализации человека очевидна. Если в городской среде человек гармонично ощущает себя на физическом, психологическом и социальном уровнях, то городские условия оцениваются им как благоприятные. В 2008 и 2012 гг. Томск по результатам конкурса на определение самого благоустроенного города России, проводимого Министерством регионального развития, занимал в своей категории (города с численностью населения от 100 тыс. человек) позицию в первой тройке³.

Такова официальная оценка благоустроенности Томска, сделанная на основе анализа внушительного числа критериев. Совпадает ли это с удовлетворенностью и ощущением комфортности городской среды среди молодежи, мы узнали, задав вопрос «Как Вы оцениваете Томск с точки зрения комфорта проживания?» Варианты ответов «скорее комфортен, чем нет» и «скорее не комфортен» были введены во избежание резкой полярности в оценке комфортности проживания в городе. Так, более половины респондентов (60 %) оценили Томск «скорее комфортным городом», «очень комфортным» город назвали треть опрошенных — 28 %, и с характеристикой «скорее не комфортен» согласились 12 %. Ни один из респондентов не охарактеризовал Томск как «город, дискомфортный для жизни». Такие результаты показывают достаточно положительную оценку комфорту городской среды, но в то же время указывают на то, что есть сферы, в которых молодежь ощущает неудовлетворенность: в сфере культурного досуга не хватает «музея современного искусства, хороших арт-галерей, кинотеатра с хорошей программной политикой, где можно смотреть актуальное документальное и авторское кино»; «хороших общественных пространств-коворкингов, анти-кафе, несовковых библиотек», а также «интересных, необычных мест отдыха, качественных ноч-

---

³ Почти самый благоустроенный город в России. URL: <http://obzor.westsib.ru/article/377341>.

ных заведений». 21 % опрошенных выбрали вариант комфортной пешеходной среды и особо в этой сфере отметили нехватку «больших парков, где можно погулять одной, с ребенком, с коляской, с парнем, т. к. гулять на Бурике одной страшно, в лес одной страшно, а Новособорная ничтожно мала». Отсутствие удобного для студенческого города общественного транспорта и актуальность велосипедной инфраструктуры в городе отметили примерно равное количество респондентов (21 и 19 % соответственно). Так, по данным ресурса «Градотека», общая протяженность велодорожек в городе составляет 2 км, это 28 место по России⁴.

Конечно, не остались без внимания и дороги: «больших и широких дорог», «качественных дорог», «нормальных тротуаров» и «всего вышеперечисленного» не хватает молодежи для более комфортной жизни в Томске, ведь мобильность молодежи в ее физическом аспекте напрямую связана с городским пространством и отражается на ее активном участии в общественной жизни города.

Далее наше исследование было направлено на выяснение потенциала молодежи к изменению города. Общественное участие в развитии городской среды служит средством достижения положительных перемен как в жизни молодых людей, так и в жизни города. Такое участие для себя считают важным подавляющее число респондентов — 69 %, вовсе не интересуются 24 % опрошенных и активно принимают участие 7 %. Молодежное участие как фактор социальной интеграции в городскую среду закреплено в Европейской хартии об участии молодежи в жизни муниципальных и региональных образований. Отдельный параграф Хартии посвящен участию молодежи в развитии города и механизмам реализации данного права⁵.

Для исследования осознанности права на город молодежью Томска (то есть права на воздействие и изменение городской среды, выраженное социальной активностью горожан) были выделены три группы горожан по степени участия и заинтересованности в городской жизни. В анкете мы предложили соотнести себя с одной из групп. Более половины респондентов (55 %) отнесли себя к группе горожан интересующихся, но не готовых к активным действиям. Меньшее, но также значительное число респондентов заняли позицию не только заинтересованных, но и готовых к активным действиям горожан (42 %), и лишь 3 % опрошенных близка позиция горожан, не заинтересованных в развитии города.

Полученные результаты показывают стремление молодежи к реализации права на город. Также в описанном аспекте обозначается и потенциал молодежи к развитию города, который лишь необходимо раскрыть с помощью грамотного подхода, который, по нашему мнению, заключается в партнерских отношениях между «взрослыми» и молодежью. Партнерские отношения — это значит работать сообща и прислушиваться к мнению каждого. Размышляя и действуя, молодые люди реализуют возможность сформировать собственные взгляды на повседневную жизнь и стать активными горожа-

---

4 Ресурс статистики о городах России. URL: <http://www.gradoteka.ru/city/tomsk>.

5 Пересмотренная Европейская хартия об участии молодежи в общественной жизни на местном и региональном уровне от 23 мая 2003 г. Обнинск: Институт муниципального управления (Серия «Документы Совета Европы»), 2005. 96 с.

нами. Такое участие должно быть выгодно и реализовывать реальные потребности молодежи, доступно для всех групп молодежи и поддержано необходимыми ресурсами (и прежде всего информационными).

Важно отметить, что мы указали основные моменты и не претендуем на их универсальность и всеохватность. Каждую ситуацию в контексте общественного участия молодежи в жизни города необходимо рассматривать исходя из реальных условий реализуемых действий, мероприятий, событий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Burgess E. W.* The Growth of the City: An Introduction to a Research Project // *The City* / R. E. Park, E. W. Burgess. The University of Chicago Press, 1925. Pp. 47—62.
2. *Zorbaugh H. W.* The Gold Coast and the Slum. The University of Chicago Press, 1929. 310 p.
3. *Хьюз Х.* Новость и занимательная история (автореферат диссертации) // Социальные и гуманитарные науки за рубежом. Сер. 11. Социология. 2006. № 1. С. 131—158.
4. *McKenzie R. D.* Spatial Distance and Community Organization Pattern // *Social Forces*. 1927. Vol. 5. № 4. P. 623—627.
5. *Парк Р. Э.* Экология человека // Теоретическая социология: Антология: в 2 ч. / сост. и общ. ред. С. П. Баньковской. М., 2002. Ч. 1. С. 374—390.
6. *Дридзе Т. М.* Две новые парадигмы для социального познания и социальной практики // Россия: трансформирующееся общество / под ред. В. А. Ядова. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2001. С. 222—240.
7. *Шмельков А. В.* Социальное пространство города // Урбанизация в условиях трансформации социально-экономической структуры общества: материалы научно-практической конференции, посвящ. 200-летию В. П. Андросова. Смоленск: Универсум, 2003. С. 239—241.
8. *Сазонов Д. Н.* Социально-психологические особенности репрезентации городской пространственно-предметной среды у жителей города: автореф. дис... канд. психол. наук. Курск, 2009. URL: <http://www.kursksu.ru/dissertations/dis149.pdf>.
9. *Дридзе Т. М.* Вернуть столицу горожанам (О социальной диагностике в градостроительстве) // Общественные науки и современность. 1997. № 5. С. 26—34.
10. *Глазычев В. Л.* Средовой подход в развитии города: лекция 4. URL: http://www.glazychev.ru/courses/mp/mp_04.htm
11. *Орлова В. В., Шестакова Д. К.* Доверие как базовый фактор становления локального патриотизма // Социология города. 2014. № 3. С. 31—47.
12. *Маркина О. А., Богачев У. А.* Формирование позитивного имиджа как стратегическое направление развития города // Политическая регионалистика и этнополитика / под ред. Н. П. Медведева и К. В. Медведевой. Вып. 6. М.: Издат. Дом МИСиС, 2000. С. 74—81
13. *Кашицкий И. В.* Что в возрасте тебе моем? [Электронный ресурс]. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2014/0581/tema04.php> (дата обращения: 20.05.2014)
14. *Визгалов Д.* Брендинг города. М.: Фонд «Институт экономики города», 2011. 160 с.

REFERENCES

1. *Burgess E. W.* The Growth of the City: An Introduction to a Research Project. *R. E. Park, E. W. Burgess. The City*. The University of Chicago Press, 1925. Pp. 47—62.

2. Zorbaugh H. W. *The Gold Coast and the Slum*. The University of Chicago Press, 1929. 310 p.
3. Hyuz H. [News and Entertaining Story (author's abstract)]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki za rubezhom. Ser. 11. Sotsiologiya* [Social and Humanities Abroad. Series 11. Sociology], 2006, no. 1, pp. 131—158.
4. McKenzie R. D. Spatial Distance and Community Organization Pattern. *Social Forces*, 1927, 5(4), pp. 623—627.
5. Park R. E. Ecology of men. *Teoreticheskaya sotsiologiya: Antologiya* [Theoretical sociology. Anthology. In 2 Pt. Pt. 1]. Moscow, 2002, pp. 374—390.
6. Dridze T. M. [Two New Paradigms for Social Cognition and Social Practice]. *Rossiya: transformiruyushcheesya obshchestvo* [Russia: Transforming Society]. Moscow, Kanon-press-Ts, 2001, pp. 222—240.
7. Shmel'kov A. V. [Social Space of the City]. *Urbanizatsiya v usloviyakh transformatsii sotsial'no-ekonomicheskoi struktury obshchestva* [Urbanization under Conditions of Transformation of Social and Economic Structure of the Society. Proc. of conf.], Smolensk, Universum Publ., 2003. Pp. 239—241.
8. Sazonov D. N. *Sotsial'no-psikhologicheskie osobennosti reprezentatsii gorodskoi prostranstvenno-predmetnoi sredy u zhitelei goroda* [Social and Psychological Features of Representation of Spatial and Object Urban Environment among Citizens. Diss. Cand. Psy. Sci.]. Kursk, 2009. URL: <http://www.kursksu.ru/dissertations/dis149.pdf>
9. Dridze T. M. [How to Give the Capital Back to the Citizens (About Social Diagnostics in Urban Development)]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modern Times], 1997, no. 5, pp. 26—34.
10. Glazychev V. L. *Sredovoi podkhod v razvitiy goroda : lektsiya 4* [Environmental Approach in Urban Development. Lecture 4]. URL: http://www.glazychev.ru/courses/mp/mp_04.htm
11. Orlova V. V., Shestakova D. K. [Confidence as a basic factor in the formation of local patriotism]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2014, no. 3, pp. 31—47.
12. Markina O. A., Bogachev U. A. [Formation of Positive Image as Strategic Approach to the City Development]. *Politicheskaya regionalistika i etnopolitika* [Political Region Studies and Ethnopolitics], iss. 6. Moscow, MISiS Publ., 2000, pp. 74—81.
13. Kashnitskii I. V. *Chto v vozraste tebe moem?* [What is in My Name?]. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2014/0581/tema04.php>
14. Vizgalov D. *Brending goroda* [Branding of the City]. Moscow, "Institute of City Economy" Fund, 2011. 160 p.

© Орлова В. В., Луц Ю. А., 2015

Поступила в редакцию
в январе 2015 г.

Ссылка для цитирования: Орлова В. В., Луц Ю. А. Потенциал молодежи как фактор развития современного города (на примере г. Томска) // Социология города. 2015. № 1. С. 56—65.

For citation: Orlova V. V., Luts Yu. A. [Potential of the youth as development factor of a modern city (by the example of Tomsk city)]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2015, no. 1, pp. 56—65.

УДК 316.7

А. А. Кожевников

**СИСТЕМА
ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ
КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ
В УСЛОВИЯХ УРБАНИЗАЦИИ**

В статье на примере анализа жизни коренного населения Республики Алтай и Кемеровской области рассмотрены вопросы взаимодействия социальной инфраструктуры города и межпоколенной, диахронной этнокультурной информации в рамках социально-экономических отношений, связанных с жизнеобеспечением на популяционном уровне. Приведены результаты социологических исследований, которые характеризуют зависимость качества жизни популяции от ее удаленности от городской инфраструктуры. При этом определены перспективы развития форм поселения, где этнокультурные традиции по поддержанию национальной идентичности будут сочетаться с деятельностью органов государственной власти и местного самоуправления. В статье в краткой форме изложены основные подходы к формированию социальной политики с учетом национального многообразия нашей страны.

Ключевые слова:

город,
коренное население,
этнокультурные традиции,
национальная идентичность,
Республика Алтай,
Кемеровская область,
тубалары,
телеуты,
социально-экономические условия,
социологические исследования,
социальная политика.

A. A. Kozhevnikov

**LIFE SUPPORT SYSTEM
OF THE INDIGENOUS
POPULATION OF SIBERIA
UNDER THE CONDITIONS
OF URBANIZATION**

The authors consider the issues of interaction of social infrastructure of the city and inter-generational, diachronic ethnocultural information within the social and economic relations connected

Постановка проблемы. Либерализация экономики России по образцу развитых западных стран обуславливает создание на бытовом уровне такой модели социальных отношений, в рамках которой основная масса населения, главным образом за счет налоговых отчислений в систему ОМС и пенсионные фонды, с заработанных ею финансовых средств, формирует социальные пакеты, которые реализуются в форме финансовых выплат и оказания услуг при наступлении определенных государством условий, когда, в первую очередь по состоянию здоровья, люди не могут полноценно выполнять социальные функции. В отдельных случаях и в отношении определенных социально незащищенных групп лиц государство за счет бюджетных средств использует дополнительный механизм социальной поддержки. По мере реализации мероприятий данной направленности и расходования существенных финансовых средств требуется оценка степени эффективности существующей модели социального обеспечения населения. При этом на фоне повсеместной стандартизации и унификации учетной политики сопоставление ее результативности в условиях культурных и средовых контрастов жизнедеятельности населения приобретает проблемный характер. Причина заключается в том, что, за исключением труднодоступных и удаленных районов, различия в укладе жизни жителей городов и сельской местности в связи с совершенствованием транспортной инфраструктуры, средств коммуникации и доступности потребительских продуктов и услуг имеет больше общего, чем отличий. В таких условиях актуализируется проблема поиска путей оптимизации распределения сил и средств государственных и муниципальных образований с целью обеспечения баланса в удовлетворении социально-экономических и этнокультурных потребностей на популяционном уровне, в том числе в контексте перспективы развития городов и сельских поселений.

Материалы и методы. В 2011—2012 гг. в Турочакском и Чойском районах Республики Алтай, а в 2014 г. в Беловском районе Кемеровской области проводились социологические исследования коренных жителей, по национальности тубалар и телеутов, с целью установления

with life support at the population level on the example of the analysis of life of indigenous people of Altai Republic and Kemerovo Oblast. The results of sociological researches which characterize the dependence of life quality of the population on its remoteness from city infrastructure are provided. In addition, the prospects of development of forms of settlement where ethnocultural traditions on maintenance of national identity will be combined with the activity of public authorities and local government are defined. In article in a short form the main approaches to the formation of social policy taking into account national variety of our country are stated.

Key words:

city,
indigenous people,
ethnocultural traditions,
national identity,
Altai Republic,
Kemerovo Oblast,
Tubalars,
Teleuts,
social and economic conditions,
sociological researches,
social policy.

Об авторе:

Кожевников Андрей Александрович – кандидат социологических наук, проректор по общим вопросам, Новокузнецкий государственный институт усовершенствования врачей. Российская Федерация, 654005, г. Новокузнецк, пр. Строителей, 5, nvkz2004@rambler.ru

Kozhevnikov Andrej Aleksandrovich – Candidate of Sociology, Vice-Principal on general issues, Novokuznetsk State Institute of Postgraduate Medicine. 5, Prospect Stroitelei, 654005, Novokuznetsk, Russian Federation, nvkz2004@rambler.ru

условий их жизнедеятельности и жизнеобеспечения. В первом случае популяция была удалена от города, во втором находилась в непосредственной близости от него. Дополнительно были проанализированы статистические базы данных, характеризующие демографическую ситуацию, сложившуюся в этих районах. В ходе исследования использовался *направленный отбор* в качестве метода формирования выборочной совокупности, что позволило, отбирая из генеральной совокупности определенные единицы наблюдения, вычленив влияние неизвестных факторов при устранении воздействия известных. В качестве респондентов были привлечены к анкетированию более 300 коренных жителей. Статистическая обработка данных осуществлялась с помощью программы JBM SPSS Statistics.

Результаты исследования. В соответствии с Всероссийской переписью населения 2010 года в состав Республики Алтай по состоянию на 1 января 2010 года входили 248 населенных пунктов и одно городское поселение — Горно-Алтайск, всего 11 муниципальных образований. Численность постоянного населения в среднем за 2011 год составляла 20 7478 человек. На начало 2012 года оно увеличилось до 208 425 человек, из них 98 593 (47,3 %) были мужчины и 109 832 (52,7 %) — женщины. Городское население составляло 59 720 человек (28,7 %), а сельское — 148 705 (71,3 %)¹.

Основными источниками средств существования для городского и сельского населения помимо доходов, получаемых от трудовой деятельности, а в сельской местности от ведения личного подсобного хозяйства, стали пенсии, пособия и алименты.

Распределение населения Российской Федерации в процентах по величине среднедушевых денежных доходов свидетельствует о том, что в 2010 году 77,5 % граждан получали доход ниже 25 000 р. Например, на 1 квартал 2011 г. платными медицинскими услугами фактически были лишены возможности пользоваться 22,9 млн

¹ Перепись населения РФ 2010 г. Том 5. Источники средств существования. Население по возрастным группам, полу и источникам средств к существованию по субъектам Российской Федерации. URL: www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi_1612.htm.

человек, чей денежный доход ниже величины прожиточного минимума, что составляло 16 % от общей численности населения страны. Средняя величина прожиточного минимума в 2011 г. не превышала 7 500 р. по России и 9900 р. в Москве. В Республике Алтай в расчете на душу населения прожиточный минимум составлял: в 2007 г. — 4525 р., в 2008 г. — 5512 р., в 2009 г. — 6670 р., в 2010 г. — 5612 р. Правительство Республики Алтай своим постановлением № 17 от 11 февраля 2014 г. установило величины прожиточного минимума в регионе за IV квартал 2013 г. Согласно документу, в расчете на душу населения величина прожиточного минимума составляет 6924 р., для трудоспособного населения — 7300 р., для пенсионеров — 5885 р., для детей — 6722 р.

В Кемеровской области величина прожиточного минимума в третьем квартале 2014 года снизилась на четыре рубля, составив 7567 р. на душу населения. При этом для трудоспособного населения этот показатель по сравнению со вторым кварталом вырос на 14 р. и достиг 8050 р. Для пенсионеров уровень прожиточного минимума составил 6111 р. (во втором квартале — 6096), сообщили в администрации Кемеровской области; для детей — 7760 р., что на 90 р. меньше, чем во втором квартале текущего года. По информации администрации Кемеровской области, удельный вес стоимости минимального набора продуктов питания в структуре прожиточного минимума снизился на 0,7 % и составил 3394 р. Аналогичный показатель минимального набора продовольственных товаров увеличился на 0,3 % и достиг 1903 р. По мнению властей, доля услуг в структуре прожиточного минимума составила 23 %, или 1742 р.²

В результате опроса жителей Чойского района было установлено, что 44,4 % от числа опрошенных имеют среднее образование, 24,4 % — средне-специальное и 15,6 % — неполное среднее. С высшим образованием среди респондентов оказалось 6,7 %, преимущественно это люди, работающие в бюджетной сфере. По социальному статусу пенсионеры составили 35,6 %, работающие пенсионеры — 6,7 %, служащие — 24,4 %, не работающие — 11,1 %, по 8,9 % — инвалиды и домохозяйки, а также 2,2 % составили индивидуальные предприниматели.

Установлена зависимость источника дохода от социального статуса респондентов. В частности, 44,4 % от общего числа опрошенных указали в качестве основного источника дохода пенсию; 28,9 % — заработную плату. Доход от охоты и продажи кедрового ореха получают 6,7 %. Незначительная часть респондентов — 2,2 % — получают средства в виде пособий по безработице. Размер ежемесячного дохода у 53,3 % респондентов колеблется в пределах от 5 до 10 тыс. р., у 22,2 % — от 10 до 20 тыс. р., у 8,9 % — от 3,5 до 5 тыс. р.; 4,4 % имеют ежемесячный доход ниже 3,5 тыс. р., а 2,2 % имеют более 20 тыс. р., и 2,2 % указали, что вообще не имеют ежемесячного дохода. Заслуживает внимание тот факт, что традиционные виды деятельности, истинно присущие тубаларам, — охота, сбор кедрового ореха и ягод — в настоящее время фактически утратили экономическую востребованность, что

² Прожиточный минимум в Кузбассе составил 7567 рублей // Газета Кемерова. 21 октября 2013 года. URL: ww.gazeta.a42.ru/lenta/show/prozhitochnyiy-minimum-v-kuzbasse-sostavil-7567-rublej.html.

существенным образом изменило уклад жизни коренного населения. 55,6 % от общего числа опрошенных считают свой уровень благосостояния низким; 33,3 % указали на средний уровень, и всего 8,9 % имеют, по их утверждению, хороший уровень благосостояния. При этом 35,6 % респондентов свои бытовые условия отнесли к неудовлетворительным, 51,1 % — к удовлетворительным, а 8,9 % затруднились их оценить.

В ходе Всероссийской переписи населения 2010 года тубалары учитывались в качестве субэтноса в составе алтайцев. При этом 55,6 % респондентов ответили отрицательно на вопрос о том, сохранили ли тубалары этническую целостность, а 24,4 % не смогли дать какой-либо определенный ответ. 35,6 % от общего числа опрошенных уверены в возможности ее обеспечить через соблюдение национальных традиций, а 13,3 % считают, что для решения данной задачи необходимо изменить законодательную базу и предоставить больше прав местному населению. Однако достаточно высокий процент — 33,3 % — не знают тех мер, которые могли бы обеспечить сохранение этнической целостности общности тубаларов.

По информации администрации Бековского сельского поселения Кемеровской области, в состав которого входят село Беково, деревня Верховская, поселок Октябрьский, станция «Разрез 14 км», село Челухоево, на 3 декабря 2013 г. здесь проживали 1733 человека 21 национальности, из них 896 телеутов, 690 русских, 57 татар, 16 азербайджанцев, 16 украинцев, 13 армян, 10 немцев, 9 узбеков, 6 алтайцев и другие.

В результате анкетирования было выяснено, что 43,1 % от общего числа опрошенных лиц указали ежемесячный доход в размере от 10 до 20 тыс. р., 30,8 % — от 5 до 10 тыс. р., меньше 5 тыс. р. имеют доход 13,9 %. К основным источникам дохода опрошенные отнесли заработную плату (32,3 %) и пенсии (38,5 %). Несмотря на относительно невысокий уровень финансового обеспечения, 60 % от общего числа респондентов удовлетворены своим материальным положением. 13,8 % считают его хорошим, тем самым свидетельствуя о низких потребительских запросах у граждан данной группы. Наряду с этим 16,9 % респондентов оценили его как «плохое», что коррелирует с низким доходом и теми условиями жизни, которые необходимо отнести к критическим, когда по причине отсутствия финансовых средств существует реальная угроза жизни и здоровью респондентов.

Следует отметить, что для местной популяции телеутов отмечается, как и для тубаларов, разрушение традиционного уклада хозяйственной деятельности, связанного со скотоводством, сельскохозяйственными работами. Это связано, с одной стороны, с нахождением Бековского сельского поселения вблизи г. Белово, а с другой стороны, с близостью к угледобывающим предприятиям и железной дороге, что в течение нескольких десятилетий способствовало этнокультурной адаптации данной этнической группы к новым социально-экономическим условиям. В частности, это происходило не только через трудоустройство ее членов на промышленных предприятиях и получение финансовых средств за счет новых источников дохода, не связанных с традиционными видами деятельности, но и за счет возможности пользоваться на общих правах услугами медицинских и культурных учреждений города Белово.

В результате опроса было выяснено, что в настоящее время коренное население, как и в большинстве городское население, не придает большого значения своим национальным обычаям, слабо знает свой род. Большинство респондентов считают, что перенос городского образа жизни в сельские поселения усиливает процесс ассимиляции этноса, приводя к утрате им отличительных черт и замене их чертами другой популяции.

Выводы. Анализ полученных в процессе социологических исследований материалов свидетельствует о том, что на жизненный уклад коренного населения независимо от места проживания оказывает влияние усвоение этнокультурной информации, которое происходит как непроизвольно бессознательно, так и сознательно. Первый способ является древнейшим, так как основывается на имитационных способностях человека и до сих пор остается ведущим. Это во многом обусловлено тем, что основная масса этнокультурной информации, в первую очередь связанной с языком, усваивается человеком в раннем возрасте. Межпоколенной, диахронной этнокультурной информации принадлежит основная роль в воспроизводстве этноса. Наличие этих непрерывных диахронных коммуникационных связей между сменяющимися друг друга последовательными поколениями этноса обуславливает преемственность традиций и стабильность поведенческого стереотипа во времени.

Необходимо также отметить то, что одновременно с диахронной важное значение для этноса имеет синхронная информация, обеспечивающая функциональную стабильность и культурную интегрированность в социально-экономические процессы, происходящие вне данной общности. Дополнительно для внутренней интеграции этносов существенное значение имеет наличие моральных и соответствующих правовых норм, институтов, обеспечивающих координацию поведения, деятельности объединенных в их рамках людей, а также реальная оценка материального состояния населения и его возможности доступа к ресурсам, обеспечивающим их жизнедеятельность.

Все это подтверждает необходимость обеспечения баланса в системе общественных отношений, когда социально-экономические возможности городского и сельского населения в плане платежеспособности должны выравниваться не за счет дотационной политики, а путем совершенствования социально-экономических связей на микроуровне и активного использования культурного потенциала популяций. При низком уровне жизни и самосознания любое население обречено на деградацию и утрату своей национальной идентичности. При этом ее сохранение во многом зависит от культурных традиций, которые проявляются в социально-организованных стереотипах группового опыта, аккумулируемого и воспроизводимого в ходе повседневной жизнедеятельности. В условиях города общение, как правило, ограничено профессиональной деятельностью и внутрисемейными отношениями. Имея унифицированный характер, оно минимизирует значимость этнической принадлежности, тем самым влияя на возможность сохранения традиций.

В свою очередь, понятие «традиция» теснейшим образом связано с понятием «обычай». Эти понятия соотносятся по принципу «включенного множества»: в принципе, все обычаи можно отнести к традициям, но не все традиции являются обычаями. Обычай может быть определен как такие стереотипизированные формы поведения, которые связаны с деятельностью, имеющей практическое значение. В связи с этим, отмечая проблемы, которые

вливают на обеспечение социального благополучия местного населения, необходимо отметить, что в последние годы по мере технического, а соответственно и социального прогресса, сфера проявления этнических свойств у коренного населения, в том числе проживающего в городах, начинает сужаться. Это, в первую очередь, относится к нарушению такого фундаментального этнообразующего процесса, как экзогамия. Для коренных народов данный обычай имеет, как известно, принципиальное значение в сохранении этноса.

Таким образом, перспектива развития городов должна быть связана с преобразованием их в экологические поселения не только с развитой экономикой и инфраструктурой, но и с наличием механизма сохранения межпоколенной, диахронной этнокультурной информации, которой, как ранее отмечалось, принадлежит основная роль в воспроизводстве этноса. В связи с этим роль государственных органов власти и местного самоуправления должна заключаться в том, чтобы вместо развития мегаполисов, как правило, уязвимых от экономической конъюнктуры и постоянной необходимости трудоустройства населения, сосредоточить усилия на поддержку небольших поселений, где население имело бы возможность заниматься ведением личного хозяйства, как это делают коренные жители, при условии создания качественной социальной инфраструктуры.

© Кожевников А. А., 2015

*Поступила в редакцию
в марте 2015 г.*

Ссылка для цитирования: Кожевников А. А. Система жизнеобеспечения коренного населения Сибири в условиях урбанизации // Социология города. 2015. № 1. С. 66—71.

For citation: Kozhevnikov A. A. [Life support system of the indigenous population of Siberia under the conditions of urbanization]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2015, no. 1, pp. 66—71.

**УСЛОВИЯ
ПРИЕМА СТАТЕЙ В РЕДАКЦИЮ
И ТРЕБОВАНИЯ К АВТОРСКИМ
ОРИГИНАЛАМ**

Научно-теоретический журнал «Социология города» (далее — Журнал) издается для ознакомления научной общественности с результатами научных исследований по проблемам урбанистики в области социологии, философии, культурологии и других гуманитарных наук ученых ВолгГАСУ и иных научных организаций и вузов.

Учредитель Журнала — ученый совет ВолгГАСУ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-27329 от 28 февраля 2007 г. Выдано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Журнал зарегистрирован Международным центром ISSN, ISSN 1994-3520 (Print), ISSN 2077-9402 (Online).

Журнал входит в утвержденный ВАК Минобрнауки России Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук (ред. 2011 г.).

Журнал выходит четырежды выпусками в год.

Требования к оформлению статей. Статью необходимо представить на электронном носителе и в распечатанном виде в сопровождении: 1) заполненного автором лицензионного договора (2 экз.) (*скачать бланки* <http://www.vgasu.ru/science/journals/city-sociology/preparation-requirements/>), 2) анкеты автора (<http://www.vgasu.ru/science/journals/city-sociology/preparation-requirements/>). Все сопроводительные документы представляются на бумажных носителях в оригинале.

В отдельном файле помещаются сведения об авторах на русском и английском языках, а также кириллицей — в полном соответствии с данными в заполненном бланке анкеты (см. выше): фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, звание, должность, место работы; почтовый адрес, телефон и адрес электронной почты.

В статье приводятся:

индекс УДК;

на русском и английском языках:

фамилия и инициалы автора,

название статьи,

аннотация (на рус. яз. — до 500 знаков, на англ. — от 500 знаков до полной страницы),

ключевые слова.

Текст статьи заверяется подписью автора (соавторов).

Объем статьи — не менее 15 с. установленного формата журнала (см. ниже), включая название, аннотации, ключевые слова, текст, таблицы, рисунки, библиографический список. Последняя страница считается полной независимо от фактического заполнения.

Оригинал статьи должен быть набран с помощью пакета программ *Microsoft Office (Word 2003)*; шрифт *основного текста* — Times New Roman (Сур) № 11 (11 пунктов).

Параметры страницы — поля, см: верхнее — 3,7; нижнее — 4,5; левое — 2,0; правое — 6,0; переплет — 0, поля зеркальные. Расстояние от края до верхнего колонтитула, см — 3,0, от края до нижнего колонтитула — 3,7. Абзацный отступ равен 0,75 см. Межстрочный интервал одинарный. Автоматически устанавливаются переносы (не более 4 подряд в одном абзаце). Автоматически устанавливается запрет висячих строк.

Для набора формул используется редактор формул *Microsoft MathType 5*; по умолчанию устанавливаются размеры шрифта для одно- и двухстрочных формул: обычного — 11 пт, крупного и мелкого индекса — соответственно 8 и 6 пт, крупного и мелкого символа — соответственно 16 и 11 пт. Греческие и русские буквы набираются прямым шрифтом, латинские — курсивом. Если написание в формулах отличается от традиционного, автор должен сделать соответствующие пометки на полях распечатанной статьи, при этом греческие буквы обводятся красным карандашом, готические — синим. Формулы выключаются в левый край с абзацным отступом. Запись формулы выполняется автором с использованием всех возможных способов упрощения и не должна содержать промежуточные преобразования.

Векторные рисунки, сохраненные в формате WMF, *растровые* — в TIF или BMP, *графики и диаграммы*, построенные в *Microsoft Excel*, дополнительно помещаются на электронный носитель отдельными файлами. Имя файла должно соответствовать наименованию или номеру рисунка в тексте статьи. Кроме того, *иллюстрации* обязательно присылаются распечатанными на отдельных листах формата А4 в масштабе 1:1, в пригодном для сканирования виде. Размер шрифта текста в рисунках — 9...10 пт. *Подписи к рисункам* выполняются непосредственно в тексте статьи шрифтом Times № 10 (10 пт), экспликация в подрисуночной подписи — Times № 9 (9 пт). Для сжатия больших файлов использовать архиваторы *Arj* и *WinZip*, *WinRAR*.

Цветные и черно-белые фотографии присылать в оригинальном виде с подписями на обороте. Цифровые фотографии выполнять с разрешением не менее 300...600 dpi, присылать в электронном виде в любом графическом формате, кроме .jpg.

Текст *таблиц* набирается шрифтом Times New Roman (Cyr) № 10 (10 пт).

ПРИСТАТЕЙНЫЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СПИСКИ РАЗМЕЩАЮТСЯ ПОСЛЕ ОСНОВНОГО ТЕКСТА СТАТЬИ.

В библиографическом списке приводится только цитируемая в статье литература. ПРИВЕТСТВУЕТСЯ ЦИТИРОВАНИЕ ОПУБЛИКОВАННЫХ РАНЕЕ В ЖУРНАЛЕ СТАТЕЙ. Источники группируются в списке в порядке упоминания в тексте. Ссылки на источники приводятся в тексте в квадратных скобках (ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗАНИЯ ИСТОЧНИКОВ). В библиографическую запись включаются только основные элементы библиографического описания (ГОСТ 7.0.5—2008). Разделительные знаки «тире» между областями опускаются. Шрифт Times New Roman (Cyr) № 9 (9 пт). Язык библиографических записей соответствует языку описываемых источников.

Авторы статей несут всю полноту ответственности за содержание статей и за сам факт их публикации. Редакция журнала не несет никакой ответственности перед авторами и/или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, нанесенный публикацией статьи. Редакция исходит из того, что, в соответствии с законодательством РФ в части авторского права, автор, направляя статью в редакцию, полностью соглашается с условиями редакции и, следовательно, только сам лично несет ответственность за использование в тексте статьи материалов третьих лиц и соблюдение их авторских прав. Все права автора и вся полнота его ответственности сохраняются и после публикации статьи в журнале.

Порядок рецензирования. Статьи обсуждаются редколлегией, рецензии, поступившие в сопроводительных материалах, учитываются.

Статьи, не отвечающие изложенным требованиям, редколлегией не принимаются. Материалы, не принятые к опубликованию, авторам не высылаются.

Редакция имеет право производить сокращения и редакционные изменения текста. Корректур статей авторам не предоставляется. Переписка, телефонные переговоры по согласованию авторских и редакционных изменений текста статьи производятся за счет автора.

Гонорар за опубликование статьи не выплачивается, плата за публикацию статей с аспирантов не взимается.

КОМПЛЕКТОВАНИЕ ОЧЕРЕДНОГО НОМЕРА ЗАВЕРШАЕТСЯ ЗА 3 МЕСЯЦА ДО ПЛАНИРУЕМОГО ВЫХОДА В СВЕТ.

Примерный график выпуска журнала:

- март (прием статей до 1 декабря);
- июнь (прием статей до 1 марта);
- сентябрь (прием статей до 1 июня);
- декабрь (прием статей до 1 сентября).

Тематические рубрики. В Журнале публикуются научные статьи и другие материалы по вопросам социологии, философии, экономики, политологии и других гуманитарных наук в соответствии с основными тематическими рубриками:

АВТОРАМ

Человек в современном городе.

Город как экономическая система.

Управление социальными и экономическими системами.

Город и власть.

Архитектурное пространство как социокультурный феномен.

Техносфера современного города: город и экология.

Направлять статьи и обращаться по вопросам об условиях их публикации и приобретения очередного номера журнала по адресу: **400074, Волгоград, ул. Академическая, 1, ком. В-508. Гл. ред. журнала «Социология города» Навроцкому Б.А. Тел. (8442)-96-99-25. E-mail: jurnalfil@mail.ru**

По вопросам подготовки авторского оригинала статьи к печати обращаться по адресу: 400074, Волгоград, ул. Академическая, 1, ком. В-210, редакционно-издательский отдел ВолГАСУ. Тел. (8442)-96-98-28. E-mail: mariapes@mail.ru

---

Научное издание

СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА

2015. № 1

Научно-теоретический журнал

Редактор *М.Л. Песчаная*

Компьютерная правка и верстка *М.Л. Песчаная*

Перевод на английский язык *О.Ю. Юшко*

Компьютерный дизайн обложки *Т.М. Потокина-Курилкина, О.Ю. Мелешин*

Информационно-библиографическое обслуживание *Е.В. Хромова*

Подписано в печать 23.03.2015.

Формат 70 × 108/16. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.

Уч.-изд. л. 2,8. Усл. печ. л. 6,4. Тираж 500 экз. Заказ № 12.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет»

Редакционно-издательский отдел

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии ВолГАСУ

400074, Волгоград, ул. Академическая, 1